

Олег Раин

Отроки до потопа

Олег Раин

ОТРОКИ ДО ПОТОПА

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63471453

ISBN 9785005191366

Аннотация

Повесть «Отроки до потопа» показывает сегодняшнее узнаваемое время, наших подростков и наши непростые проблемы. Жить без отца тоскливо, и совсем тошно, когда один из твоих друзей тянется к алкоголю, любимую подругу подсаживают на иглу, а в родном классе цинично верховодит сынок влиятельного чиновника. Выручают верные друзья и собственный твердый характер. Надежду на спасения дарят и крылья дельтапланов. Идти наперекор классу невыносимо тяжело, но именно это делает главный герой книги.

Содержание

ОТРОКИ ДО ПОТОПА	5
Часть 1 ШКОЛЯРЫ	5
Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	49
Глава 5	67
Глава 6	81
Глава 7	92
Конец ознакомительного фрагмента.	103

ОТРОКИ ДО ПОТОПА

Олег Раин

Дизайнер обложки Светлана Прокопенко

© Олег Раин, 2020

© Светлана Прокопенко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-9136-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТРОКИ ДО ПОТОПА (Школьный роман-с)

Часть 1 ШКОЛЯРЫ

«Во всяком возрасте свои гадости».
Анри Батай

Глава 1

Здание напоминало постройки из военных хроник. Скалящиеся острым стеклом окна, исписанные иероглифами стены, черные послепожарные гематомы там и тут. По слухам в брошенной домине находили приют бомжи чуть ли не со всех концов города, – они-то и устраивали пожары, ломая на дрова полы и остатки мебели, греясь немощными телами у костров.

– Круто?

– Угу, как после бомбежки

– Ты, в натуре, бомбежку-то видел!

– Так по телеку...

– По телеку фуфло, – Дюша кивнул на дальний конец здания. – Туда не суемся, там вохра в фургоне. А с этого конца нормально проскользнем. Через парадное.

– Не провалимся куда-нибудь? А то – бэмс, и в подвале!

– Ты забоялся уже?

– Чего забоялся-то? Че, я подвалов не видел?

– Забоялся, забоялся! – паренек по кличке Шрек выдул из жевательной резинки огромный пузырь, сам же на него и округлил восхищенно глаза. Шепеляво крикнул: – Жырь, ребя!.. Ну вот, сдулся, блин.

– Сам ты сдулся. Когда жеву выдуваешь, молчать надо.

– Усохни, советчик!

– Хорэ! – гаркнул Дюша, вожак маленькой шараги,. – Под ноги лучше глядите.

– А чего глядеть, золото, что ли, ищем...

– Вижу! – заорал Кокер. – Чешское стекло вижу!

– Где? – Дюша заинтересованно оглянулся. Анька, Лиза и Зинка тоже юрко развернули одинаково причесанные головенки. И даже крашенные губки округлили в похожие сердечки.

– Да вона! – точно гайшный жезл, Кокер выбросил указательный палец. – Я же говорил, ничего ему не сделается. Кругом ни одного стеклышка, а тут уцелело. Оно же крепче железа!

– Реально, что ли?

– Отвечаю! Мне папахен рассказывал: чешское стекло выдерживает любые пожары с наводнениями. Раньше бассейны таким стеклом оклеивали. Потому что мощнее булата.

– Не гони!

– Реально говорю! Такое стекло круче бетона!

– Так булата или бетона?

– Какая, фиг, разница? Главное – не сломаешь и не протрешь.

– А если гарбичем? – Дюша наморщил лоб и сразу стал похожим на старичка. Странно у него это получалось: вроде здоровый лось, и вдруг – раз, сразу старичок.

– И гарбичем не расколешь, – Кокер азартно повернулся. – Чех, тебе первому бить! Стекло-то чешское... – Он тут же

и захохотал. Противненько так, явно желая, чтобы и другие к нему присоединились. Но шарага промолчала. Только с ленцой покосилась на Серегу Чохова – чем ответит. Такие уж тут правила законы.

– Погогочи мне, сам гарбичем схлопочешь. – Серега подумал, что прогулка, наверняка, закончится дракой. Даже, может быть, двойной. Потому что Кокер давно напрашивался. Видно, забыл про все последние синяки – вот и заборзел. Такому намять физию – святое дело. Но первым очередь забил Клепа. Этот жаждал намять физию уже самому Сереге. Просто так, без особого повода, – очень уж загорелось схлестнуться с новеньким, а в этой компании Серега Чохов и впрямь был новеньким.

Разобраться по существу, если б не Кокер, и не пошел бы Серега с этими упырями. Ведь не знал даже толком никого! Так, мутные пацаны из соседнего района, некоторых и видел только издали. Да и с Кокером Сергей дружбы никогда не водил. Скорее, наоборот, хоть и учились в одном классе. А вот позвали с собой на «стрелку», и увязался зачем-то...

– Хобана! – Клепа первый свистанул каменюгой в выглядывающее из земли окно подвального этажа. Камень со стуком отскочил от квадратиков чешского стекла, обиженно закрутился на асфальте.

– Во, дает! – Дюша и другие пацаны стали с азартом швырять камни. Дымчато-полосатое стекло зеленого цвета стойко отражало атаку, по-вратарски отбрасывало камни –

чуть ли не отплеывало. Серега мысленно ему поаплодировал, хотя вместе с другими тоже пару раз бросил камни.

— Крепкая фиговина! — Клепа даже вспотел. Серега заметил, что он старается усерднее прочих. Мускулы у пацана были немаленькие, и броски получались довольно меткие. В груди у Сергея неприятно ворохнулось. Драться с этим типом ему хотелось все меньше. Лучше обойтись одним Коке-ром, да только не выйдет. Потому что мужская честь, и все такое...

Серега в очередной раз подсадовал, что нет у него сильных и по-настоящему крутых друзей. Конечно, Гера с Антохой — хорошие парни, но ведь, если честно, оба недотепистые! Самих приходилось сколько раз защищать. А вот Серегу никто не защищал. Своими кулаками пробивал дорогу. В школе ведь так — не подерешься раз-другой, и пошел лететь авторитет. А авторитет — это такая штука... Короче, тут много слов можно вспомнить, типа: престиж, статус, уровень и прочее гонево. Только гонево-то — оно гонево, но если ты не в фаворе, то и про уважуху забудь.

Взять хотя бы тот случай с портфелем Анжелки, когда Краб выбросил его в окно, а тот взял да застрял в тополиных ветках. Никто ведь не полез за ним! Ни здоровенный Шама, ни легонький Маратик, — все кексанули! А Серега стиснул зубы и полез. Ветки были, конечно, хлипкие, могли запросто обломиться, но ему повезло: и портфель стряхнул вниз, и сам не грянулся. Не ахти вроде бы что, но уважуху зарабо-

тал. Дней пять его тогда уважали! И про портфель Анжелкин друг другу пересказывали, на тополь злосчастный пальцами тыкали. Славу эту Серега ощущал на себе, точно огненный, полыхающий на ветру плащ. С удовольствием, надо сказать, ощущал. Жаль, не очень долго все это длилось, но в том-то и фокус, что всякий авторитет подобен теореме, которую следует доказывать ежедневно. И проще, чем драка, доказательства пока никто не придумал. Короткая и эффектная победа обычно превращала теорему в аксиому, и вопрос, кто кого круче, хитрее и умнее, решался сам собой.

Очередной камень вышиб так из стекла гроздь осколков.

– Есть! – гаркнул Дюша и замотал рукой. – Блин! Чуть кисть не вывихнул.

Результат вожака явно разочаровал. Всем прочим тоже надоело метать камни. Какой интерес стараться ради пары трещин?

– Пошли лучше внутрь, – скомандовал Дюша, и пацаны побрели к черному, как зев чудовища, подъезду. Серега невольно оглянулся. По сути – последний шанс свалить. Всего-то пара шагов, и нет его! Нашел, с кем тусоваться! Еще и в Зеленую рощу поперся! Не сиделось ему, видите ли, в родном дворе!

То есть вообще-то мама отправила Сергея в сад к подружке за цветами для учителей. Вроде как 1 сентября, стало быть, без цветов нельзя. Глупость, конечно, но разве ей объяснишь, что букеты носит только малышня, а чтобы заявить-

ся с цветами парню, да еще в седьмой класс – так это курам на смех. Тут же угодишь в подхалимы, и это не худший вариант! Тот же Кокер запишет в ботаники, а Шама и вовсе объявит чокнутым.

Но дома сидеть тоже было скучно, и Серега пошлепал в сад. А по дороге наткнулся на Кокеровскую компанию. То есть и не его это компания оказалась – Кокер сам чувствовал себя тут совсем даже не барски, но оттого, может, и кричал больше обычного, и суетился сверх меры. Короче, выставлся перед уличной пацанвой как мог. А что может быть удачнее в такой ситуации, как присутствие своего такого же, над которым можно и пошутить, и даже в эакого пахана перед ним поиграть. Вот Серега и повелся. Решил поначалу, что Кокер тут главный, а когда разобрался, что к чему, было уже поздно. Мрачноватые, плохо одетые парни, как выяснилось, плясали совсем под иную дудку.

Наверное, и водка свою роль сыграла. Это они для храбрости навернули. Перед «стрелкой» с чужими пацанами... То есть, когда пухловатый парнишка, которого все именовали Вагеном, извлек на свет бутылку, Сергей не нашел в себе мужества отказаться. Все глотнули, и он глотнул. На семерых пузырь разлился сам собой. А закусили батоном, купленным перед этим Серегой. Батон, конечно, предназначался для дома, но Серега и здесь промолчал. Вроде его угостили, и он в ответ угостил. И как бы стал после этого своим. Хотя все-таки не стал. Клепа, мрачноватый бритоголовик,

сделавшийся после алкоголя особенно задиристым, дважды молотнул Чохова по спине. Как бы дружески, но настолько крепко, что стерпеть было бы зазорно. Серега и не стерпел. С той же личиной дружелюбия хлопнул Клепу в ответ. А вот реакция оказалась бурной. С неожиданной яростью бритоголовый ринулся на него с кулаками. И чем бы дело закончилось, Серега не брался предсказать, если бы не Дюша. Возжачок со смехом перехватил Клепу поперек туловища, даже немного приподнял над землей.

– Хорэ, жучара! Потом помахаетесь, не сейчас.

– В Зеленой роще, – тут же предложил Хома, другой член команды. – Сразу после «стрелки». Там и девки подгребут, посмотрят.

– Лады... – угрожающе просипел Клепа, и на том вроде успокоился. Но ненадолго, это Серега сразу сообразил.

А потом они брели по улицам, пинали пластиковые бутылки и пугали малолеток. Все это время Серега тягостно размышлял, почему он не может шагнуть в сторону и уйти с концами. Вроде не на привязи, а все равно не свободен. Кроме того, чем-то это путешествие его все-таки заводило. Как ни крути, лето прошелестело без особых приключений. Ну, купались-загорали, так это у всех было. Ездили к родне на электричке, собирали грибы-ягоды, кормили кроликов в изгороди. С сестренкой, понятно, играл, но она же еще пигалица! – вот и игры выбирали соответствующие. Само собой, с книгами на диване валялся, дивидишки пиратские

смотрел, в компе монстров пачками валил и при этом с отстраненной отчетливостью понимал: все это не жизнь, – трэшево. Вроде ряски и плесени на поверхности пруда. Но окунуться глубже у него отчего-то не получалось. Может, поэтому последний день лета словно в наказание за минувшую нерасторопность решил преподнести Сереге сюрприз. И преподнес, заставив топать на «стрелку», о которой еще три часа назад он ведать не ведал. Экстрим – так бы это назвал эрудированный Саматов, но что-то особой радости от такого экстрима Серега не ощущал.

Хорошо еще не пришел никто на эту загадочную «стрелку». Неведомые чужаки «чушканулись и сдрейфили», как объявил во всеуслышание Дюша. И трое накрашенных девочек, сидящие на лавочке, точно зрители в театре, немедленно влились в их компанию. Лизка пошла под ручку с Дюшей, Анька – с толстяком Вагеном, а Зинка неожиданно уцепилась за руку Сергея.

– Ты это... Аккуратнее, – шепнул оказавшийся рядом Кокер. – Зинон – она это... Метелка Дональда.

– Кто метелка-то! – немедленно взвилась Зинка-Зинон. – Сам-то дятел общипанный! Только с дерева слез.

– Ты это Дональду потом расскажешь!

– А чего мне Дональд! С кем хочу, с тем хожу.

– Вот и поговоришь с ним, смелая такая, – Кокер снова со значением посмотрел на Чохова. По мышинному мелкие черточки его аккуратного лица изображали дипломати-

ческую озабоченность. – Смотри, Серый, я не настаиваю. Тебе решать...

За эти слова его бы стоило тут же и в землю вколотить. Серега аж вспотел от возмущения. Сам втянул в непонятки – и сам же делает вид, что опекает! Но ответить Кокеру он не успел. От тугого удара у мальчугана зазвенело в голове. Это Клепа, запомнивший о предстоящей драке, подгадал удачный момент и налетел сбоку. И снова вмешался Дюша. Роль рефери ему, очевидно, была в кайф.

– Хорэ, больные! В старую больничку пойдем! – заорал он. – Там и устроим мохач.

– И тут нормально! – попробовал вырваться Клепа, но Дюша держал крепко.

– Там тихо, без свидетелей! И Сухана с Дональдом, может, встретим.

– А еще там чешское стекло в подвале, – напомнил Кокер. – Фиг, кто сумеет разбить!

– Да не гони!

– А вот увидишь...

По дороге к больничке обогнули бывшую дачу маршала Жукова, по очереди попробовали добраться по могучей сосне до новенького скворечника. Это Дюша, вдруг, возжелал отведать печеных яиц.

– А чего, костерок запалим, – испечем в золе. Нормальная шамовка!

Он первым полез на сосну, но не дотянул метров двух или

трех, по сосне лазить – это вам не по яблоньке с кленом карабкаться! Хома тоже до скворечника не добрался, а вот упорный Клепа умудрился залезть. Даже руку внутрь просунул.

– Пусто! – проорал он сверху. – Нет тут ни фиги! Опилки да сено...

Сергея порадовался, что прозорливые птахи не успели заселить новенькие апартаменты. Еще не хватало ему участвовать в разорении гнезд.

А на следующей поляне они наткнулись на компанию взрослых мужиков, готовящих шашлыки.

– Из собак жарят, – шепнул Хома.

– Да ты гонишь!

– В натуре, отвечаю. Сам понюхай!

Пацаны все враз потянули носами воздух. И всем, конечно, показалось, что пахнет собачатиной. Даже Сергею.

– Не верите, сходите поинтересуйтесь, – хмыкнул Ваген. – Мол, шавочка моя тут не пробежала?

Но никто интересоваться не стал. Двое мужичков, стоя чуть поодаль от жаровни, умело метали в здоровенный тополь ножи. Сталь со стуком втыкалась в древесину. Спрашивать таких о собачатине было безумием.

Глядя на них, тот же Ваген протяжно вздохнул.

– Мне тут зуб когда-то вышибли, – поделился он. – Я его в бумажку завернул, похоронил потом.

– Металл вставишь, не куксись.

– На фига мне металлом сиять? Я этим зубом семечки щелкал, проволоку перекусывал. Удобный такой зубешник был...

Сергей посочувствовал Вагену. Толстяк впервые показался ему нормальным парнем.

– Сейчас фарфор делают, – утешил он Вагена. – Могут подобрать такой, что от настоящего не отличишь.

– Правда, что ли? – оживился Ваген.

– Точно знаю. В Голливуде некоторым старперам за семьдесят, а улыбками сияют, как молодые. Потому что зубы из фарфора.

– Типа, как посуда? – фыркнул Дюша. – Она же хрупкая!

– Да нет, это особый фарфор – покрепче будет. – Серега засомневался. – Надо ведь жевать, пищу раскусывать. Станут они дешевый фарфор ставить.

– Все равно, – Дюша беспечно махнул ладонью. – Вдарить дубиной, и никакой фарфор не выдержит. Я так думаю: нормальным пацанам и волосы лишние ни к чему, и зубы.

Такой подход Серегу обескуражил, но спорить он не осмелился.

А потом на пути встретился забор, и, подхватив Лизу на руки, Дюша легко перенес ее через преграду. Точно также поступил и толстяк Ваген. Пусть с кряхтением, но он поднял свою крохотную Аньку на нужную высоту, водрузил на землю уже на другой стороне. И снова вся шарага уставилась на Серегу. Потому что долговязая Зинка ничуть не уступала

парням в росте и была явно тяжелее своих подруг.

– Не надорвись, Чех! – фыркнул Кокер.

– Да я сама перешагну, – Зинка-Зинон отважно попыталась поднять ногу, но не позволила узкая юбка. Пришлось брать ее на руки, и, чертыхаясь, проносить над острой кромкой забора. Юбка, по счастью, не пострадала, а вот один чулок за какую-то проволоку все-таки зацепился.

– Блин! – в сердцах пискнула Зинка, и шарага дружно заржала.

– Але, Серый, видела бы тебя Анжелка! – крикнул Кокер.

– Пошел ты!

– Не бойсь, я ей ничего не скажу...

Серега готов был провалиться сквозь землю. Фиаско было полным. Зинка же, изучив дыру на колготках, скупно вздохнула.

– Ладно, пошли...

И прозвучало это совсем даже не извинительно. Скорее уж как сожаление: пошли, мол, тепа-недотепа. А зачем ему с ней идти, если в школе он, в самом деле, сох по Анжелке. Об этом уже все знали. А вот малознакомая Зинка Серегу ничуть не привлекала. Прямо ни капельки. Но вот прицепилась к нему, а он, чудак, не воспротивился.

– Сухан! – радостно заорал Дюша и обернулся к ребятам. – Я же говорил, в больничке их встретим. И Дональд вон чешет.

– У нас и пиво с собой! – вынырнувший навстречу незна-

комый пацан в замызганной футболке поднял над головой пластиковый пузырь. – Давно вас ждем.

– Эх, погудим! – по совиному ухнул Ваген и даже по животу себя похлопал. Пиво он, по всей видимости, очень даже уважал.

– Ну, ща тебе Дональд навалает за Зинку, – хохотнул Шрек и, опережая события, а может, и, торопя их, весело прокричал: – Эй, Дон, телку твою Серый увел.

– Какой еще Серый? – долговязый дотемна загорелый паренек показался следом за Суханом.

– Да вот он! Секи, – с Зинкой под ручку катит.

– А что, нельзя? – игриво осведомилась Зинка.

– Значит, в лоб от меня поимеет, – Дональд нахмурился.

– Только Клепа первый! – азартно завопил Хома. – Серый сначала с ним бьется, потом с тобой.

– Заметано, – легко согласился Дональд и как ни в чем не бывало кивнул своей подруге. – Зинк, пиво будешь?

– А чего нет-то, – Зинка легко отцепилась от Сергея и перешла к Дональду. – Глянь, этот лох мне колготки порвал.

– Ничего, я ему навалаяю потом. По полной огребет...

Сереге ощутил себя совсем тоскливо. Три драки за день – это было чересчур. То есть какой-нибудь Дартаньян, может, и порадовался бы такой везухе, но Серегу подобная перспектива совсем не воодушевляла.

В старой больнице они прошли почерневшим от пожара коридором и, наконец, выбрались в относительно свет-

люю залу. Потолок здесь был закопчен чуть меньше, и стены смотрелись почти прилично.

– Клевая полянка! – оценил Ваген.

Наученный горьким опытом, Сергей тут же развернулся в сторону Клепы и угадал. Тот снова собирался напасть без предупреждения. И странно, что окружающие взирали на такую подлость с полным спокойствием. Сам же Серега в отличие от них, наконец-то, ощутил то, чего так не хватало ему в начале пути, а именно ту первую необходимую злость, без которой невозможна нормальная мужская стычка. Потому что атаки исподтишка, действительно, выглядели подло, а подлость следовало наказывать.

– Ну, че вылупился? – Клепа притормозил в шаге от Сергея. Неожданного наскока не вышло, и он решил малость взвинтить настроение. – Давно в рог не получал?

– А ты рискни, – Серега стоял, выставив перед собой кулаки. Хуже нет, чем драться с незнакомым противником. Тот же Краб всегда дрался не по правилам, и это всегда смущало Серегу. А вот с Кокером или Шамой было махать проще. Все их ужимки с нехитрой тактикой Серега изучил еще в классе втором или третьем. Как дрался Клепа, он не знал, однако без того видел, что слабаком паренька не назовешь. И камни вон как метал, и по сосне ползал шустро. И все же кексовать перед ним Серега не собирался.

– Чего встал-то? – буркнул он. – Уже затупил?

– Кто затупил-то?

– Да ты и затупил, тупарик! – когда надо, Серега тоже мог поборзеть. Пусть не думают, что оседлали домашнего мальчика. То есть по-взрослому он никогда не ругался, но с уличным сленгом, как всякий нормальный школяр, был знаком превосходно.

– Ты че, овца? – снова зарычал Клепа. – В натуре, быкуешь!

– От овцы слышу!

– Да ты провоцируешь!

– Бамбук кури!..

Вытащив из кармана футбольную дудку, Шрек выдал пронзительный сигнал.

– Хорош метлой мести, эфиопы! – заорал он. – Мы на махачкалу пришли, а не треп ваш слушать.

И Клепа бросился вперед. Еще и головой качнул туда-сюда – Тайсон, типа. Только Серега был уже подготовлен – вовремя сделал шагжок назад. Клепа ударил и промазал. Потеряв равновесие, чуть не упал, но в последний момент успел схватить Серегу за футболку, рванул на себя что есть сил. Ткань треснула.

– Ах, ты! – Серега выкинул вперед левый кулак и попал. То есть ринувшийся в очередную атаку Клепа сам на него напоролся, и получилось на удивление крепко. Нос забияки прямо-таки сплющился от удара, а у Сереги сразу заныла рука.

– Круто! – Дюша хохотнул, а Клепа, зажав разбитый нос,

скрючился над полом. На темный от золы пол часто закали бордовые капли, и Серега почувствовал, что его трясет от нерастратенного возбуждения. Можно было бы что-нибудь сказать – понахальнее да позлее, но нужды в этом не было. Клепа, конечно, не рыдал, но по горестному его виду было ясно, что биться он больше не способен.

– Ништяк у тебя колотушка! – оценил Ваген. – Верняк, носарь Клепе сломал.

– Да не сломал, чего там! – Дюша хмыкнул. С толикой уважения глянув на Серегу, неожиданно поинтересовался:

– А правда ты с Крабом за одной партой сидел?

Кокер разболтал, – сразу догадался Серега. И даже в такую минуту поразился: вот трепло! И тут успел нахвастать. Вроде как знаменитый Краб не просто в их классе сидит, а еще и за партой одной с приятелем кентуется...

– Ну, было когда-то.

– Оно и видно, – Дюша криво улыбулся, и даже Клепа, размазывая льющуюся из носа юшку, изобразил на лице удовлетворение. Типа, получить от кореша, что сидел за одной партой с самим Крабом, – совсем иной коленкор. Другой бы кто и не сумел, а сосед Краба – это нормально...

– Ну что? Кто следующий? – с вызовом спросил Серега. – Ты, может, Кокер?

– А чего я-то? Я с тобой и не бодался даже. Это вон Дональд хотел.

– Да с понтом я буду с ним махаться! – громко возмутился

Дональд. — Я же вижу, нормальный пацан, было бы из-за чего спорить!

— Тогда давай костер зажигать! — скомандовал Дюша. — Сухан, открывай пиво!

Но пиво Серега пить не стал. Посидел немного, подышал вонючим дымом и все-таки слинял. Незаметно, почти по-английски, благо у всех теперь нашлось занятие, а после пива все еще и враз поглупели — стали говорливыми и невнимательными. Но главное, что Зинка его больше не удерживала...

Путь домой был не близкий, и Серега спешил, как мог. Однако в одном месте все-таки задержался — на самом обычном шоссе, что убегало к горизонту, к целящимся в небо заводским трубам. Там же, между кирпичными дымными стволами, солнце готовилось ко сну, неспешно взбивало себе постель из алых перин, малиновых подушек и оранжевых пуховых одеял... Сочного рыжего цвета было столь много, что хватало на дома, деревья и пролегшую к солнечному ложу дорогу. Все было ярко-оранжевым, каким-то марсианским, и Сергей пораженно остановился. Почему-то у него сдавило сердце, и стало щемяще жаль чего-то неясного, давно убежавшего. Чего именно, Серега никак не мог понять, но казалось, стоит чуть-чуть напрячь память, и он непременно вспомнит какую-то прошлую свою минуту, какой-то сладостный эпизод. И посетила странная уверенность, что этот

закат и эту залитую бронзой дорогу он когда-то уже наблюдал. Правда, не здесь и, может быть, даже не в этой жизни...

От такой мысли у паренька перехватило дыхание. Словно на секунду-другую приоткрылась некая большая тайна – мелькнула самым краешком и снова спряталась. Он даже ощутил мимолетную обиду, что сладкая секундочка оказалась столь короткой. Сергей постарался усилием воли напярчь память, но только ускорил неизбежное. Далекое солнце нырнуло в тлеющие перины, и мир вокруг стал стремительно тускнеть. Так и не разгаданная тайна превратилась в закатный дым...

Домой Серега появился поздно – само собой, без батона и цветов, с исцарапанными руками, в разодранной майке. А хуже всего, что мама сразу уловила запах водки. Он ожидал, что его начнут распекать, но ничего такого не произошло. Мама только поглядела на него как-то уж очень печально и так же печально вздохнула.

– Я не нарочно, мам. Чесслово... – забормотал Сергей. – Это случайно вышло. Такая гадость – эта водка...

– А футболку где порвал?

– Ну... Упал, в общем. В одном месте.

– Пороть тебя некому... – мама устало кивнула в сторону ванны. – Умойся, поешь и спать. Не забывай, завтра все-таки Первое сентября.

Чувствуя, как полыхают щеки, Серега прошел в ванну. Никакой радости от минувшего дня он не ощущал. Поход

в Зеленую рощу, новые знакомые и даже победа в драке ничуть не воодушевляли. Разве что та замечательная секундочка, подаренная закатом. Но ведь подразнила и ускакала. А теперь еще и мама... Не упрекнула даже, а пригвоздила. И это казалось самым обидным. Потому что в главном она была права. Пороть Серегу, действительно, было некому.

Папа у них умер.

Почти три года назад...

Глава 2

Сестру Ленку в садик увела мама, отчим на работу убежал еще раньше, а посему утро 1 сентября Серега встречал совсем даже не торжественно – то бишь, – в гордом одиночестве. Конечно, если не считать хомячку Соньку, но Сонька, свернувшись в пушистый ком, как и положено приличным хомякам, спала. В квартире царила умудренная тишина, но Серегу она абсолютно не угнетала.

На кухне Серега приготовил себе цикорийевый кофе, мелкими глоточками быстро расправился с кружкой. Цикорий не означал какого-то особого протеста, – просто такой кофе Серега, действительно, любил. А вот продукт из кофейных зерен – как раз не очень. Что нравилось тотально всему миру, у него частенько вызывало неприятие. Или аллергию, как это называла мама. А уж начинать сентябрь с бразильского кофе казалось и вовсе пошлостью. К тому же аппетита после вчерашнего решительно не наблюдалось. Да и какой, на фиг, аппетит, когда лето одномоментно гикнулось, а за окном тенью отца Гамлета маячило первое школьное утро? Так что вместо завтрака вполне хватило маминой записки, где Сереге подробно разъяснялось, что подогреть и откуда достать, где лежат булочки с маком и чем заливать овсяные хлопья. А еще мама желала Сереге удачи в первом нелегком дне.

Вот именно, что нелегком...

Залив хлопья молоком, Серега тускло поглядел на тарелку и в тысячный раз подумал о том, что все эти каши с булочками оченьгодились бы каким-нибудь блокадникам – в том же Ленинграде или Севастополе. Сколько бы жизней, наверное, спасли! Жаль, нет у него машины времени с хорошим кузовом. Вот бы отправлял им каждый день посылке!

А еще пылились под кроватью два чемодана старых ненужных игрушек. То есть сестра Ленка в них, конечно, копалась, Серега же почти не играл. А ведь всего пару лет назад жизни без них не чаял – без гоночной машинки с пружинным подзаводом, без трехлапного плюшевого ветерана Потапыча, без армии разноплеменных солдатиков. Когда сеструха уволокла в садик резинового ежика и там посеяла (кто-то спер, не иначе!), Серега с балкона хотел сигануть от расстройства, на Ленку кулаками замахивался. Трагедия же, блин! Полная Индия! Теперь, конечно, остыл. Не тянуло к игрушкам – хоть тресни. То есть по уму их тоже бы в какую-нибудь нищую Африку или пострадавшим от землетрясений. Ну, почему нет служб, что занимались бы сбором ненужных вещей? Все ведь, на фиг, пропадет...

Кстати!

Вспомнив о бомже Виталике, Серега разрезал одну из булок, точно в дисковод вставил в нее пластик сыра, упрятал в пакет. Мельком подумал, что Виталику придется даже хуже, чем африканцам. Тем, по крайней мере, тепло, мож-

но голышом по улицам бегать, а на Урале без шубы не выживешь. По этой самой причине Виталик постоянно болтал о Кавказе. Всерьез мечтал угнать машину покруче и в один прекрасный день уехать из родного города насовсем.

Продолжая перемешивать хлопья, Сергей искоса глянул в настенное зеркало. Верно, хотел убедить себя, что видит в нем не мальчика, но мужа. Во всяком случае – в фас. Профиля взгляд ну никак не улавливал, и Серега досадливо скривил губы. Хорошо, хоть обошлось вчера без синяков. Вот бы повеселилась родная школа, – первый день и с фонарями! А с Кокером надо при случае разобраться. Серьезно и прилюдно. Чтобы все видели, кто чмо, а кто совсем даже наоборот.

Серега еще раз оценил свою внешность и неожиданно подумал, что, может, и хорошо, что люди не видят себя и не слышат. Один раз он что-то такое набубнил на отцовский магнитофон, так потом неделю плевался. Не хотелось верить, что доносящееся из динамиков скрипучее мычание – его родной голос. Хотя причем тут голос? И с неважнецкими голосами люди живут себе поживают. Важно, что сегодня он превращался в реального старшака – вот это, конечно, ко многому обязывало! Серега решительно отодвинул тарелку с хлопьями.

Все! Хватит чужих компаний и дешевых пьянок! Новая жизнь диктовала новые правила.

Собственно, правила эти Серега прописал давным-дав-

но – в коротеньком плане из четырех пунктов. План, надо признать, был жестким, можно сказать, невыполнимым.

Потому что пункт первый требовал солидности. В поступках, словах, внешности – во всем. Конечно бывают люди, у которых жизнь выверена и налажена, заправлена в нужное русло, как ремень в брючные петли, но у Сереги дела обстояли иначе. Очень уж много он мечтал, а мечты, как вещают психологи, НЕ сбываются. Сбываются действия, а значит, пора действовать – ходить по школе степенно, учителей не травить, тетради не рвать, резинками не кидаться. А еще хорэ врать про собственные подвиги, – все равно в них никто не верит. Конечно, все вокруг врут, а вот он не будет. Завязка! Жесткая! И надо добиться главного – влюбить в себя, наконец, эту кочергу Анжелу.

То есть это было уже пунктом вторым... Поскольку Анжелка – это вам не Зинка-Зинов, и за нее следовало поводить. В общем, красавица Анжела была занозой, которую Серега словил еще в малышовом классе. Самого первого момента он толком не помнил, но так бывает возле костра: вдруг пшикнет полено, выстрелит искрой – и вздрагиваешь от нечаянного ожога. И вроде искры уже нет, – давно погасла, а боль остается. С Серегой приключилось нечто похожее. Сначала Анжела вызывала в нем раздражение, даже какую-то злость, а после Серега внезапно смикнул, что самым банальным образом влюбился. При этом, как многих других, его в упор не замечали. Разумеется, это было несправед-

ливо, а потому следовало что-то срочно предпринимать, – пусть даже поломав себя, подкачав мышцы, научившись играть на гитаре и травить анекдоты. Да чего там! – Серега готов был на более страшные жертвы – например, на удаление гланд и веснушек, на мелирование волос и позорный педикюр!

Третий пункт был самым скучным, так как подразумевал учебу и отметки. До сих пор Серега учился абы как, с троек перебиваясь на четверки, пусть не часто, но радуя маму пятерками. Отныне следовало повышать статус, забыв напрочь о тройках, прочно обосновавшись в праздничных колоннах отличников. Они хоть в массе своей и ботаники, и жизнь у них насквозь тошная, но ведь поступают потом в вузы-академии! И принимаются поплевывать сверху на тех, кто остался в лузерах, кого сплавили втихую в профтехучилища, на плохонькие заводы и в армию. Конечно, подлость, но те же Анжелки, точно флюгеры, разворачиваются к удачливым да успешным. И бегут за ними, как привязанные...

Финальный четвертый пункт таил в себе проблемы с фамилией. Потому что в школе Серегой его звали только друзья, – все остальные, включая девчонок (даже красавицу Анжелу!), именовали его Чехом, а то и вовсе Чахоткой. Кличка шла от фамилии Чохов, и это было настоящей трагедией. Взять того же Сэма – ведь сам себе придумал кликуху! Хоть и был Саматовым Вовой. Разобраться – так персонаж

из анекдотов, – Вовик, Вовочка, Вован. Однако Вовочкой Саматова никто не звал, поскольку сам себе он нравился исключительно в образе Сэма. У других, увы, так не получалось. То есть Серега сто раз предлагал матери сменить фамилию, благо и сделать это было совсем не сложно. Отчим носил фамилию Макушев, и они вполне могли стать Макушевыми. Если бы захотели. Тоже, конечно, не фонтан, но все-таки получше «Чахотки». К сожалению, уговорами Серега ничего не добился. Всякий раз мать напоминала об отце, рассказывала о его мастеровитых руках, о мощном голосе, о настоящем мужском характере. Серега и сам многое помнил. Например, как отец простым ножиком вырезал ему мечи с корабliками, как возил на рыбалку, сажал на плечи, учил запускать змея. И песни отец умел петь здорово. Голос у него был мощный, – когда рывкал на дворовую шпану, те горохом в стороны рассыпались. Так что базар – базаром, а батя у него был мировой. По всем статьям и параметрам. И вроде получалось, что отца собственная фамилия устраивала, а слабохарактерный сынуля ерепенился и шел в отказ. В результате рассуждения матери окончательно запутывали Серегину жизнь, загоняли ее в уличный тупик. Потому что отец умер. Три года назад. А мама... Мама продолжала его любить и все-таки вышла за муж. За отчима дядю Витю. Впрочем за муж-то вышла, а взятую у отца фамилию не сменила. Судя по всему, и не собиралась менять, чем только осложняла Серегино положение.

Словом, за фамилию приходилось бороться, а проще говоря – драться. Кулаками, ногами и головой. С приятелями Кокера, с гориллами Сэма, с теми же отморозками Краба, которые вообще готовы были гоготать над чем угодно. Конечно, вязаться со всей этой шайкой-лейкой радости было мало, но иного выхода Серега не видел. В противном случае он мог остаться Чахоткой до конца своих дней. Примерно то же сказал и дядя Витя, – мамино решение он, как ни странно, уважал. Правда, советовал – относиться ко всему с толикой юмора. Потому и комедиями заваливал. Пока народ хавал тягучие спагеттины сериалов, глотал Бессонна с Гибсоном, их семейка стойко пребывала в стороне. Из вечера в вечер они созерцали по виду какие-нибудь «Покровские ворота», «Тридцать три» или «Бриллиантовую руку». Смехом по несчастью – так именовал это дядя Витя, и кое-что у него получалось. Серега и не заметил, как втянулся и пристрастился. Вчера вот смотрели «Берегись автомобиля» – кажется, уже в пятый раз, а Серега с Ленкой в голос ухохатывались. В школе он, понятно, о таком не рассказывал, а то бы ухохатывались уже над ним. В общем, смех – смехом, а крепкие кулаки в жизни тоже не последнее дело, и вскоре после одной из бесед отчим купил Сереге боксерскую грушу. Для наработки уверенности в себе, ну, и для более мужского интерьера.

Вспомнив о груше, Серега вскочил с табурета и ринулся в спальню. Легкое усилие воображения, и черная, подвешен-

ная к потолку сосиска превратилась в ухмыляющегося Сэма.

– Лыбишься, да? – Серега с разбега молотнул по тугому кожаному боку ступней, добавил локтем и кулаком. Груша обморочно закачалась, кулак заболел. И все равно Серега торжествующе улыбнулся. У Сэма такой груши, точняк, не было, а значит, шансы начистить ему моську серьезно возростали. Надо лишь не филонить и тренироваться – например, по часу-полтора в день. Или хотя бы минут по двадцать. Пока же Серегины тренировки ограничивались двумя-тремя ударами, то есть в переводе на время – пять-шесть секунд в день. Для наработки мускулатуры этого было явно мало-вато.

Форма, учебники и пришедший на смену малышовому ранцу портфель, – все было приготовлено с вечера. Морщиться заставлял только непокорный вихор на голове. Ни вправо, ни влево он никак не желал ложиться. Раз десять Серега провел по нему расческой, в бессилии скрежетнул зубами. Лаком его, что ли, приклеить? Или вовсе срезать?.. Так ничего и не придумав, он приблизился к столу, из потайного отделения извлек фотографию отца. Заглянул в смеющиеся глаза, неловко подмигнул.

– Вот я и старшак, батя. Сегодня набью морду Сэму и попробую стать другим. Таким, как ты...

Изображение отца тут же стало расплываться, проникшая в горло змея стремительно раздула капюшон. Фотография в пальцах мальчугана дрогнула. Потому что не было уже

ни этих веселых глаз, ни скрещенных на груди жилистых рук. А были только немногочисленные снимки и оживающие во снах воспоминания. Серега всхлипнул. Так получалось каждый раз, и никакая взрослость тут не помогала. Кашлем прочистив горло и опережая непрошенные слезы, он спрятал фотографию в стол, подхватил портфель и выскочил из квартиры.

Сосед Никитка спускался по лестнице в сопровождении мамы. В правой руке малыша алел и бугрился атомный гриб букета, за спиной отсвечивал китайскими узорами ранец. Мальчуган и сам сверкал-переливался, как граненый алмаз. Весь из себя красивый да выглаженный – серьезный, как памятник гранитному революционеру. Год назад Никитка ходил в тот же садик, что сестра Ленка, а теперь вот отправлялся в школу. Шаг ответственный, по-своему даже страшный, и Серега ободряюще похлопал первоклашку по плечу. Обогнав, первым вылетел на улицу.

Осень, если без дождя и грязи, штука славная. Сладкая и пряная от сухих листьев, честная в своей неприкрытости. Это зима все припорошит да прикроет, наведет макияж до весны, будто ничего и не было. Но ведь есть! И шприцы с разнокалиберным мусором, и собачьи вездесущие кляксы. Снег напоминал Сереге сладкоречивые байки выступающих

по телевидению представителей власти. Сам-то он их почти не слушал, но слушал комментарии дяди Вити. Получалось, что про весну с осенью эти взрослые дяди совсем даже не подозревали, — жили в своем вечнозеленом пальмовом лете и неустанно сыпали сверху маскирующим снежком. Кстати, и снежок теперь совсем другое значение приобрел. Как баян с космосом, как дурь и колеса...

У соседнего подъезда глыбой громоздилась автофура. Грузчики в униформе сутились и перетаскивали мебель. Кто-то снова переезжал, а вернее, въезжал. На обвязанной шпагатом тумбочке сидела девчонка в джинсовом костюмчике. В одной руке ментоловая сигаретка, другая спрятана под мышку.

— Ну, что же это такое! Ты опять? — из подъезда выглянул рослый мужчина, укоризненно погрозил пальцем. — Уже третья за утро...

— Все, финиш! — девчонка пригасила сигарету, мельком глянула в сторону проходящего Сергея. Мальчуган немедленно отвернулся. Чужая красота его всегда пугала. Все равно как пламя фотографической вспышки. Он даже обошел сгружаемые вещи по широкому кругу. Не то чтобы девчонка смахивала на какую-нибудь там модель или принцессу, но что-то в ней определенно было. Сам Серега такие вещи замечал сходу. Вот красавчик Женька, по которому сходила с ума добрая половина школьников, не смыслил в красоте ни бельмеса. То есть вообще ни фигашеньки не понимал —

что красиво, а что нет. Подгадала ведь мать-природа! Может, верно говорят, что плохо родиться красивым. У некрасивых комплексы, они рвутся наверх, грызут удила, преодолевают барьеры – и становятся в итоге Бальзаками, Амундсенами и прочими Пушкиными. Красивые же плывут по течению безо всяких усилий. Потому как – на кой? Все без того их любят, по головушке гладят, в рот заглядывают. Вот и жуют себе травку, хлебают из подставленных ладошек, пребывая в полной уверенности, что мир это райское пастбище, созданное сугубо для них. Серега красавчиком себя никогда не считал, зато полагал, что разбирается в женской красоте лучше многих других. Вот и эту девчонку он сходу записал в красотки. Потому что глаза, как у актрисы Вертинской, фигурка ништяковская, короткая почти мальчишеская стрижка, личико правильное. Само собой дело заключалось не в стрижке и даже не в странноватых чуть раскосых глазах, но боязно было на нее смотреть! Боязно – и все тут. А страх и колотье под ложечкой – это, Серега точно знал, признак верный. Не горбатого же дракона увидел – наоборот, а все равно страшно.

Впрочем, новоявленную соседку Серега не собирался долго рассматривать. Курящих особей женского пола он не любил в принципе. Дымящая сигарета сабельным взмахом перечеркивала любую красоту. И про себя Серега мог сказать совершенно определенно: уж он-то никогда не будет дымить. Потому что пробовал когда-то и бросил. Спасибо

родному отцу, – уловил первые табачные ароматы и поступил, как какой-нибудь Макаренко, – взял да и купил сыну пачку дешевой «Примы», тем же вечером протянул на кухне.

– Если куришь, держи! Но условие такое: прямо сейчас все и выкуришь. При мне...

Эксперимент закончился на второй сигарете. Серегу согнуло пополам и вывернуло наизнанку. Он едва не потерял сознание, и отец отнес его на руках в ванну, сунул под струю холодной воды. А еще через пять минут Серега самолично смял в ком надорванную пачку и выбросил в ведро. Уже навсегда. В кухню, пропахшую «Примой», неделю не совал носа, а при одном взгляде на курящих задерживал дыхание. По этой самой причине «принцесса на тумбочке» Серегу совершенно не заинтересовала, тем более, что настоящая принцесса у него уже имелась – все та же непокорная Анжелка.

Добежав до угла, Серега запоздало припомнил о солидности, сбившись, перешел на шаг. Невольно представил себе лица одноклассников, когда разглядят его вихор на голове. Кто-то, конечно, загогочет, а Сэм со всегдашней своей гадливой улыбочкой непременно родит какой-нибудь афоризм. Типа: зашел вихор, и грянул хор... Серега заранее поморщился, на ходу попытался смочить волосы слюной.

Не-ет... Для реального уважения одной внешности мало! И на пирсинг, как дура Юлька с прыщавым Маратиком, он тоже не клонет. Это готам с эмо лишняя дюжина дырок в ра-

дость, — ему требовался ход конем — что-нибудь эдакое-раз-эдакое...

К сожалению, ничего эдакого в голову не приходило, и Серега в очередной раз подумал, что солидности очень помог бы сотовый телефон. А еще лучше смарт или планшетик. Вещи, конечно, неудобные, но все ведь имеют! Вон их сколько кругом — как тараканы расползлись по карманам и сумкам, пищат, бренчат, на пол грохаются в самый неподходящий момент. Отчим давно обещал подарить, да что-то не торопится. Фильмы десятками скупал, а тут об излучении каком-то талдычил — вроде как вредно. Так ведь и жить вредно! А еще вреднее, когда над тобой смеются. Из-за отсутствия сотового, из-за вихра на голове, из-за того, что к школьному крыльцу тебя не подвозят на «Бентли».

До школы, расположенной в трех кварталах, ближе было добираться по улице Мичурина, но Серега намеренно свернул в парк. Этот небольшой крюк он вполне мог себе позволить. Наручные, оставшиеся от отца часы показывали только десять минут девятого. В парке же, чуть в стороне от центральной аллеи, располагался прикрытый стальными листами коллектор. Именно в нем обитал Виталик.

Глава 3

С Виталиком они познакомились года два назад – ранней весной, когда дымка зелени уже окутала городские посадки, а сам парк, точно паутиной, оплели чугунной оградкой. В этот стиснутый городской фауной оазис они, тогда еще совсем шпингалеты, как раз и заглянули по одному важному делу.

Шли, размахивая ранцами, бурно обсуждая третий сезон приключенческого сериала. Что-то там про необитаемый остров и заброшенных на него людей. Пиратский диск обещали вот-вот выбросить на рынок, но ждать уже моченьки не было, и парнишки спорили, воображая, куда развернет сюжет вертлявая мысль режиссера. А еще говорили про Тарасика, про то, как будут его бить в этом самом парке, как опозорят перед Анжелкой.

– И чего она в нем нашла! – орал Серега. – С таким чмо дружить!

– Так крыша съехала. Понятно...

– Это у него съедет, когда придет.

– Думаешь, не струсит? – Антон огляделся. – Он говорил, каратэ знает. По книжкам учился.

– Подумаешь! А я по фильмам! Видал, как в «Матрице» рубятся? Один с сотней. Я тоже один удар выучил, – Серега скакнул вперед, провернулся на правой пятке, левую выбро-

сил далеко вперед. Не удержавшись, упал.

– Круто! – толстый Антон уважительно покачал головой. Даже такая неудавшаяся демонстрация произвела на него впечатление.

– Порепетировать, конечно, надо, – Серега, поднявшись, отряхнул ладошки и задницу. – Но удар суперский. Чак Норрис таким носорогов в кино валил. Бэмс, вертушечка! – и аут.

– В интернете, говорят, сайт есть – с убийными приемчиками. Тарасик тоже про него намекал...

Осторожный Антон, как всегда, видел повсюду препятствия. Оно и понятно, к Анжелке он дышал ровно, потому и не жаждал за нее драться. То есть в первом классе он тоже на нее западал, но потом, по его словам, разглядел истинную суть, и увял. Серега тоже эту суть видел, но чувств все равно не утрачивал. Возможно, по глупости, но ведь любовь и есть глупость. Иначе с чего бы от нее теряли головы?

– Для приемчиков экран нормальный нужен, а Гера заходил как-то к Тарасу, рассказывал, что комп у него – полная ржавь, экран – чуть ли не ламповый. Что в таком разглядишь!

– Как же он живет? – изумился Антоша. – Это ж ни в «Ралли» погонять, ни в «Дюн» сразиться!

– А я о чем толкую!

– Во что же он играет?

– Да он вообще не играет.

– Не гони! – Антон никак не хотел верить в то, что в двадцать первом веке и третьем тысячелетии кто-то может еще не играть в его любимые бродилки.

– Честно-честно! Переписывает какие-то конспекты с дипломами, халтуру на дом берет. Типа, за бабки. Я же говорю – чучело. И заметь, – пешком не ходит! На велике рассекает. Шумахер, блин! А велик-то старый – чуть ли не «Школьник».

– Правда, что ли?

– Ага. Когда Сэм сотовый принес, этот пупс заявил, что сотовые нельзя подносить к голове. Типа, опасно для мозговой деятельности.

– Какой, какой?

– Ну, этой... Которая, значит, в голове... – Серега задумался. – Слушай. А может, правда – все из-за велика? Он ведь Анжелку пару раз прокатил. На багажнике седло какое-то соорудил специально. Может, и мне купить? Горный, к примеру? Чтобы фара там, звонок, и скоростей – зашибись.

– Не знаю... – в сомнении протянул Антон. – Это же не мотоцикл, – там педали, их крутить надо.

– Так покрутим.

– Опять же стоит, как компьютер.

Серега подувял. Цена вопроса снимала сам вопрос. У родителей таких денег враз не выпросишь. Это не на жвачку с мороженым.

– Что же делать? – упавшим голосом спросил он. – Я ведь

жениться на ней хочу. Сразу, как паспорт получу. Думаешь, разрешат?

– Не знаю. – Антон по обыкновению мыслил пессимистично. – Мои шнурки давно сказали: никакой женитьбы до тридцати. Типа, сначала институт, карьера и прочая ботва.

– Тридцать лет ждать?! – Серега протестующе мотнул головой. – Да ты знаешь, сколько лет нашей училке Клавдии? Тридцать два! Вот и прикинь колено к носу – станешь ты на такой жениться?

– Ясно, нет!

– И я о том же! Потому что Анжелка в тридцать, может, еще страшнее будет. Реальная пенсионерка! Я че, с дуба рухнул, на крокодилах жениться...

Сиплый окрик заставил их умолкнуть.

– Э-э, кенари! Ну-ка, подгребли сюда!..

Поджавшись, оба завертели головами. Вопил подросток, сидящий на краю канализационного люка. В драповом грязном пальто без рукавов, в мятых безразмерных брюках, с перепачканным лицом и такими же грязными руками.

– А чего? – тоненько и неуверенно спросил Антон.

– Ничего! По-рыхлому подходим, не телимся!

Проще простого было задать деру, но оба были настолько ошарашены видом выползшего из преисподней мальчугана, что сработал инстинкт кроличьего повиновения. Парнишки замороженным шагом приблизились к оборванцу. Все было

в миг забыто – могучие удары Чака Нориса, Тарасик с его компом, Анжелкина любовь-морковь и велосипедные проблемы.

– Во-о!.. – продолжал командовать чумазный подросток. – А теперь шустро выкладываем все из карманов! – Сотовые, бабло, все, что есть. Та-ак... Носовые платки на хрен, а жеву оставляем. Ножичек тоже сгодится... Ага, булочка! Обкусанная, что ли?

– Это я на переменке, – признался Антон. – Только разок...

– За такой разок – надо бы в глазок... А где у нас сигаретки?

– Так это... Мы не курим, – признался Сережа. – Пока.

– Ой, ли?

– Честное слово!

– Честное... Фуфлоеды! С ранцами ходят и без сигарет...

А это что за хрень?

Антон покраснел.

– Плеер... Цифровой. Чтобы музыку слушать.

– Музыку? – чумазный подросток рассовал их деньги по карманам, неумело принялся натягивать на себя наушнички. – Так, что ли? Ну-ка, вруби...

Антон, нагнувшись, включил плеер, выбрал мелодию побойчее. Подросток гыкнул, пара герпесных болячек на краешках его губ расплзлись в стороны. Не слыша себя, он почти заорал: – А ничего! Гы-гы!.. Барабан – как каелка...

Мужбаны визжат...

Опустив глаза вниз, Сергей разглядел, что нога в драном боте ритмично притоптывает.

— Чего смотрим-то? Ищем, ищем сигаретки! — подросток продолжал кричать. В наушниках да под музыку все вопят, как оглашенные.

Антон растерянно покосился на друга.

— Так это... Мы же сказали: нету.

— Нету... Салаги, блин. — Подросток стянул с себя наушники. — Мне, может, год-два осталось небо коптить, а вы жлобьтесь.

— Мы, не жлобимся. Просто не курим.

— Ну, и ослы... Еда-то нормальная есть? Что-нибудь кроме булки?

— Так какая еда... Разве что сходить купить? Тут чебуречная рядом.

— Для кого рядом, а кому задом... Кто купит-то?

Антон потупился.

— Ну, я вообще-то могу. Если денег дашь.

— Денег? — подросток развеселился. — Свои надо иметь! Гы-гы! Ладно, шучу... Дам немного. Не сбежишь — с деньгами-то?

— Да ты что! Нет, конечно.

— Тогда держи...

Грязные пальцы бережно отслюнили несколько десятков. Антон сгреб деньги, неловко посеменял к выходу из парка.

Чумазий подросток задумчиво посмотрел ему вслед.

– Вернется, как считаешь?

– Должен, в общем-то.

– Должен... Мне вот родичи тоже должны были. А уплыли – и с концами. Сначала папаша от мамы, а потом и мама от меня. Ловко провернули, да?

– Значит, ты один теперь?

– Почему один? Нас тут табор целый. К вечеру обычно приползают. Летом много, зимой – поменьше. Кто на юга подается, кто помирает.

– Что, по-настоящему? – поразился Сергей.

– Не-е, по-игрушечному!

– А это... Лет тебе сколько?

– Да уж побольше, чем тебе!

– Нет, правда? Одиннадцать? Двенадцать?

– Четырнадцать – не хочешь?

Сергей по-настоящему изумился.

– Четырнадцать?!

– Что, думал, столько не живут? – подросток сипло рассмехался. – Это верно. У нас раньше коньки отбрасывают... Жаль, пенсий малолеткам не дают. Успели бы пожить, блин, – клея нормального понюхать, пивка попить... Эй! А вон и твоя вагонетка назад катит. Быстро однако обернулся.

– Так днем без очереди.

– Хорошо, что без очереди... – оборванец ухмыльнулся. –

Ты гляди, как трясется. Прямо медузоид какой.

Такие слова Сереге показались обидными, – как-никак Антон старался сейчас для подростка. Но вслед за чумазым тоже рассмеялся деревянным смехом.

Подбежал запыхавшийся Антон.

– Купил вот... Пироги на все деньги. Половина с капустой, половина с мясом.

– Конек-молоток! – подросток схватил пакет, заглянув в него, жадно нюхнул. – Пахучая хаванинка! Ох, помаюсь сегодня животом...

У него даже глаза притуманились, а нижняя челюсть покакули шевельнулась туда-сюда. Серега догадался, что чумазый оборванец зверски голоден.

– Ладно, валите. И плеер свой забирайте. Все равно отнимут.

– Кто отнимет-то?

– Да уж найдутся герои... У нас под землей тоже своих комиссаров хватает. Короче, пока! – он энергично рассовал трофеи по карманам, кивнул мальчуганам и, пыхтя, скрылся в люке.

Парнишки неловко отошли в сторону. Антон виновато потупился, позвенел на ладони мелочью.

– Всего сорок копеек осталось. Поделим?

– Да ладно... – Серега отмахнулся. – Я тут с ним поболтал, так ему уже четырнадцать стукнуло, представляешь?

– Да ты гонишь!

– В натуре, четырнадцать! А ниже нас с тобой. И ни жилья, ни родичей... – Сергей нервно качнул головой. – Рассказывал, что они там умирают под землей...

– По-настоящему?

– А ты думал – по-игрушечному? – Серега покачал головой. – Не-е, я, Антох, послушал его, и знаешь... Не жалко стало ни денег, ни прочего барахла. Я даже подумал: как вырасту, получу паспорт, то-се...

– Ну да – на Анжелке женишься.

– Да не-е, я сейчас о другом... Я дело свое заведу. И на работу буду брать таких, как он. Чтобы, значит, жилье давать, кормежку. Они же на фиг никому не нужны, понимаешь? Ни одной живой душе!

– А как же Анжелка?

– Что – Анжелка? Тоже будет помогать. Жены – они всегда помогают мужьям.

Антон странно улыбнулся.

– Чего ты? – удивился Сергей.

– Да вон, – приятель кивнул куда-то в сторону. – Тарасик гребет. Молодец чувачок, не струсил.

Серега обернулся. Далеко-далеко, чуть ли не у самых ворот, действительно, проявилась знакомая фигурка. Волоча за собой мешок со сменкой, весь перекошенный от тяжелого забитого учебниками портфеля, маленький и неказистый, к ним брел Тарасик, тот самый, что первым догадался прокатить Анжелку на велике. Кишка кишкой, а ведь обездолил

всю мужскую половину класса!

– Никого не привел, – с облегчением выдохнул Антон. –
Одного-то сделаем, как цуцика.

Сереге ощутил смутную неприязнь к другу. Драться окончательно расхотелось. Не было бы рядом Антона, – нырнул бы в кусты и смылся. И фиг с ним – с Тарасиком. Пусть крутит башкой и думает, что его, клопа такого, испугались. Но Серега никуда не нырнул и прятаться не стал. Потому что – мысли мыслями, а жизнь жизнью. И Антон – какой-никакой, а свидетель.

– Ладно, пошли... – Серега со вздохом напялил на себя ранец, вяло тронулся навстречу Тарасику. Антон поспешил следом.

Смешно, но наивный Тарасик трусить и впрямь не соби-
рался. На что надеялся – непонятно. Ведь сколько раз его били, уму-разуму учили! Одни понимают подобную науку быстро, другие требуют повторов. Наверное, потому что повторение – мать учения, и все такое. Серегу такое отношение к учебе начинало доставать. В каком-то смысле он даже приблизился к пониманию учителей. Они, если разобраться, тоже хотели вдолбить им в головы свои скучноватые истины. И втайне мечтали, должно быть, держать вместо указки хорошеньких размеров ремни и плети. Чтобы проще, скорее и доходчивее.

Никакого каратэ с запретными приемчиками Тарасик, как выяснилось, не знал, и Серега по обыкновению справился

с ним легко и быстро – сходу повалил на землю, а после немного помутузил. Но как-то все прошло без азарта, без должного вдохновения. Встреча с Виталиком что-то в нем надломила. Даже Тарасик это почувствовал и пару раз умудрился огреть его мешком со сменной обувью. А в общем...

В общем, та давняя стычка получилась будничной и скучной. Само собой, и результата никакого не принесла. Анжелка еще добрых полгода на зависть всему классу дружила и каталась с Тарасиком. А после поиграв глазками перед одним, другим, третьим, переметнулась к Сэму, что было еще хуже, поскольку с Сэмом никто не дрался. Не потому, что он был каратистом или поднимал двухпудовые гири, вовсе нет. Все объяснялось проще: Сэма привозили в школу на «Бентли», и здоровенный шкаф с лицом кирпичного цвета проводил его до крыльца. Навались на такого всем классом – и тогда бы разгром был чудовищным. Поэтому Сэм слыл фигурой неприкасаемой. Увы и увы...

Глава 4

С тем же Виталиком, подростком из подземелья, они беседовали потом множество раз. Наверное, даже подружились. При этом наблюдалась странная вещь: Сергей с Антоном росли и взрослели, Виталик же с каждым новым месяцем усыхал, уменьшаясь в росте, покрываясь новыми язвами и шрамами. Само собой вошло в привычку таскать ему что-нибудь из съестного. Виталик ел все – от конфет с коржиками до индюшачьих окорочков и засохшего сыра. Ничего удивительного, что к новым своим знакомцам он питал самые теплые чувства, с удовольствием рассказывая про подземных монстров, про многочисленные болячки соседей, про то, как бедует народ в колониях. Серега подозревал, что многое из рассказываемого – чистой воды выдумка, однако слушать было все равно интересно. Виталик казался почти инопланетянином и жил в каком-то своем – вроде бы близком и все-таки абсолютно параллельном мире. То есть параллели на то и параллели, чтобы не пересекаться, но ужас заключался в том, что Серега понимал – шагнуть в мир Виталика было проще простого. Нырнуть в тот же люк, как в зазеркалье, остаться там на одну-единственную ночьку и все! Обратного пути уже не будет.

А еще приходила странная мысль о том, что зазеркальем, возможно, были как раз они – со своими хрущевными про-

блемами и монотонными буднями, с тяжелым небом над головой и ежедневным смешным желанием сигануть выше означенной головы. Виталика карьера не интересовала, как не интересовало и будущее. Смешно мечтать о том, чего нет. Виталик не витал в облаках и был реалистом, а вот они жили в зазеркалье, в чумной суеде фамилий и рангов, в вечном сравнении мускулов, знаний и кошельков.

Впрочем, на этот раз Виталика Серега не увидел, – канализационный лаз пустовал. То ли подземный люд продолжал отсыпаться, то ли успел разбрестись по своим законным промыслам – кто в обход окрестных помоек, кто на помывку машин, кто прошвырнуться по садовым участкам.

Зато на аллее Серегу догнал Антон.

– Витальку искал?

– Ага... – они солидно пожали друг другу руки, буйствовать, обниматься и орать, как это было всего год назад, не стали. Видимо, Антон тоже расписал себе аналогичную программу взросления.

– Они с Кранчиком на улицу Шефскую перебрались, – сообщил Антоша. – Помнишь лестницу у цистерн? Там что-то вроде пещеры и куча труб с вентилями. Виталик теперь там обретается.

– Вот так номер! Там же парит всегда. Все равно как в бане!

– Зато безопасно. Я его позавчера видел, – он сказал, вроде как от Боша прячется.

– Погоди, погоди! Посадили же Боша! В тюрьму еще весной.

– Ну и что? Маринада тоже чуть ли не каждый месяц сажают, а он через день-другой снова по улицам шляется.

– С Маринадом как раз ясно. За него Кентукки бабки отстегивает. А за Боша никто заступаться не будет.

– Само собой. Только зачем он ментам – психованный да больной? Подержали немного и снова выпнули. А он под землю вернулся и порядки свои наводить взялся. Его в центре реабилитации, видать, крепко обработали – совсем у мужика чердак съехал. Виталик говорит: чуть что – сразу за палки и кирпичи хватается. У Кранчика же припадочки, а Бош эпилептиков ненавидит. Считает, что это заразно. Чуть не пришиб Кранчика. Ну, и Виталика заодно.

– Непонятно, чего они терпят? Их же толпа.

– И что? Боятся же. Бош – взросляк, они – салапеты.

Серега поиграл желваками.

– Потолковать бы надо с Бошем.

– Ну, ты дал! Я же говорю: он чуть что – за каменюги хватается. Опять же – мужлан здоровый!

– Мы тоже не гвоздики обойные. Биты возьмем или другое что придумаем...

Антон озадаченно погладил отвороты пиджака. Он как всегда сомневался.

Парк остался позади, и, выйдя за ворота, ребята разглядели сидящего на корточках Геру. Тот красиво докуривал си-

гарету, свободной рукой крутил в пальцах зажигалку.

– Явились, не запылились.

Гера тоже играл в резидента, – серьезное лицо, поза бывалого зека. И все-таки, когда Серега помахал ему, не выдержал, заулыбался. Поднявшись с корточек, метким щелчком запульнул окурок в опрокинутую урну, шагнул навстречу, энергично пожал руки.

Отныне троица друзей была в сборе, и Серега сразу ощутил прилив энергии. Шагающие слева и справа одноклассники не подозревали, что задают ему нужную осанку и разворот плеч. К месту припомнились «Три товарища» Ремарка и «Три мушкетера» Дюма. Правда, были еще «Три толстяка» и «Три поросенка», но это относилось уже к области сказочек. Настоящая литература к трио всегда относилась уважительно. Друзья шагали вполне реальной дорогой, и впереди их поджидали не подарочные пупсы в бантах, не детский утренник, – их поджидала школа.

Уже на подходе к родному до последнего кирпича зданию, в глаза бросилось ослепительно серебристое ландо. Возле автомобиля стояли двое: толстый и рослый Маринад в футболке на выпуск, румяный, губастый, с густой, напоминающей шерсть эрделя шевелюрой, а рядом мистер Кентукки собственной персоной – тоже толстый, но низенький, весь в черном и фирменном, исключительно кожаном. Глаза последнего скрывались за темными очечками, и Сергею тут же вспомнился кот Базилио в исполнении Ролана Быкова – ведь явно

косил под мафиози! И не чаял, не гадал, что похож на обычного, перекормленного кота! Даже новенькое авто имиджа не спасало. В прошлом году, Серега точно помнил, Кентукки гонял по улицам на «Тойоте», теперь же тачка трансформировалась в «Феррари». Оно и понятно: торговать гадостью вроде «спайса» – это вам не калачи печь. Прибыль – тысяча процентов с хвостиком, а хвостик, к слову сказать, – еще одна тысяча. Это Антоша как-то раз посчитал. Даже самолично бегал к Маринаду, интересовался ценами. Пару фитюлькупил, подарил потом Гере. А Гера мялся и мучился, очень хотел выкурить, но после взял и спустил все в унитаз. Потом, понятно, жалел, однако Серега его геройство одобрил. Нарков в жизни без того хватало, – вот и не фиг было подыгрывать этим упырям.

– Видали? – Антон качнул плечом в сторону иномарки.

– Точно на параде! – процедил Гера. – Уроды!

– Еще и пьются...

Серега кивнул. Ему тоже не понравилось, какими взглядами провожали два наркодилера бредущих мимо школяров. Оба сияли, как китайский силумин, и отечески кивали будущей своей клиентуре. То есть они ничуть не сомневались, что это, в самом деле, ИХ клиентура! И первое сентября для Маринада с Кентукки тоже было своеобразным праздником. Чем-то вроде начало рабочего сезона. Или сезона охоты.

Твари, блин, подколодные!

Класс изменился. Может быть, даже в лучшую сторону. Потому что исчезли переехавшие в другой район братья Нефедовы, известные драчуны и обжоры. Вечно голодные, Нефедовы крали все, что плохо лежит – завтраки из буфета, бутеры из чужих портфелей, проездные билеты, деньги. Оставались, конечно, братья Рыковы – еще одна сладкая парочка, без которой класс вполне мог обойтись, но тут уж, как говорится, не до жиру. Кроме того, свято место пусто не бывает, и исчезнувших Нефедовых должны были заменить двое новеньких – он и она. Девочка-припевочка пока не нарисовалась, а вот мальчик с пальчик уже объявился. Звали его Игорек, и ничего особенного он из себя не представлял. То есть так они решили поначалу, но новичок все же сумел их поразить – взял и преподнес фишечку в виде вставного глаза. Сидя на первой парте, паренек оборачивался к новым своим товарищам и на бис вынимал из глазницы стеклянный цветной шарик. Даже мальчишки от ужаса зажимуривались, а девчонки – те и вовсе тихонечко повизгивали. Еще бы! Вместо глаза у Игорька зияла темно-багровая впадина. Молодой историк Федюня, не понимавший причин переполоха, нервно стучал указкой по столу и забывал, о чем рассказывал, перескакивая с первого на десятое и обратно. На мальчиков он кричать побаивался, а на девочек стеснялся смотреть.

Кстати, девчонки тоже похорошели, за лето заметно вытянулись и округлились. Как сказала Шама: были девки, стали телки. В ноздрях, ушах и пупах добавилось колец, булавок и бисера. Помада, тушь и маникюр – все приобрело профессиональный лоск, а уж от разноцветья волос прямо рябило в глазах. Больше всех развеселила народ Светка Полетаева. Эта умница не стала мудрить с выбором и покрасила свои волосы сразу в семь цветов. «Светик-семицветик» – тут же окрестил ее Сэм, и Серега посетовал, что столь меткое сравнение не пришло в голову ему первому. Полная Танька вместо кулона нацепила абсолютно прозрачный сотовик, а Верка за лето умудрилась отрастить такие ногти, что с трудом удерживала в пальцах ручку.

Словом, нормальный зоопарк, – ничуть не хуже, чем у всех прочих. Джинсы – в обтяг, юбки – в натяг, а пачка сигарет уже у каждой второй. Хорошо, хоть Анжелка осталась Анжелкой. Серега давно заметил: красивых хоть в мешковину обряди, все равно обуют любую разрисованную модель. А уж когда она сидела, закинув ногу на ногу и с умудренной задумчивостью листала комиксы, у Сереги начинала обморочно кружиться голова. Карусель, ради которой, верно, и стоило жить. По этой самой причине на уроках он сидел в основном вполоборота, стараясь не упускать свою мечту из виду.

– ..С незапамятных времен человек думал и мечтал о небе, – вещал, между тем, Федюня, и ясно было, что при-

земленность Серегиных мечтаний его ничуть не волнует. – Попыток взлететь предпринималась масса, и история знает сотни трагедий, разыгравшихся на стартовых площадках и в воздухе. Однако пытливый ум не остановишь ничем, и чуть более трехсот лет назад мечта человечества осуществилась – в небо поднялись братья Монгольфье. Гигантскую оболочку отважные конструкторы наполняли горячим воздухом, и шар медленно поднимался ввысь. Подъемной силой подобные аппараты обладали небольшой, однако этого оказалось достаточно...

Сергеа без труда представил Анжелку и себя, взмывающими под огромным куполом к белоснежным облакам. Он спокоен и хмур, она визжит и изо всех сил обнимает его за шею. Не картинка, а блеск! Прямо до мурашек по коже... А еще лучше – если не на шаре, а на дельтаплане с двумя люльками – Серега такие уже как-то видел. В одной люльке Анжелка, в другой – той, что для инструктора, – он. И лихое запрокидывание в петле Нестерова. Земля исчезает, сменяясь на несколько секунд синевой, и неожиданно вновь появляется перед глазами, с шелестом несется навстречу. Серега сжимает раму и сурово смотрит вперед. Анжелка, понятно, визжит, и изо всех сил стискивает партнера руками. Ее кричащий рот где-то рядом с его ухом, Серега теряет от счастья сознание, и оба врезаются в землю. Все! Свежая лепешка! Осовремененный вариант Ромео и Джульетты...

– Между прочим, я видел в Крыму полеты, – Серега с тру-

дом разогнал туман грез, обернулся к Антону.

– На шарах?

– Да нет, на дельтапланах. Там гора такая плоская есть – гора Клементьева. Вот с нее и порхают людишки. Их там – как мух. Хочешь – записывайся и летай себе на здоровье.

– Ничего себе – на здоровье!

– Конечно, на здоровье! Это же чистый кайф! Сплошные положительные эмоции.

– И ты летал?

Искушение было велико, и Серега открыл уже было рот, чтобы сказать «да», однако припомнил сегодняшнюю установку «не врать». Скучная, конечно, установка, но нарушать ее в первый же день – это как-то по-кислому. Вон и Антоша напрягся – даже черкаться перестал. Наверняка, ждал очередной байки... Серега скосил глаза и рассмотрел на его рисунке воздушный шар с огромной, наполненной какими-то монстрами гондолой. Монстры у Антона получились хорошо, шар с гондолой – не очень.

– Я полетел бы, – признался он, – да только один полет тянул триста гривен.

– Гринов? – вскинулся Антон. – Так дорого?

– Гривен, говорю! Это фантики украинские. Но тоже дорого. На наши бабки – полторы тысячи. Это, прикинь, всего за пятнадцать минут.

Антон тут же набросал на листе этажерку цифр – поделил рабочий день на пятнадцатиминутные интервалы, быст-

ро помножил на сумму, названную Серегой.

– Кучеряво живут!

– А то! – Серега придвинулся к Антону поближе. – Я что думаю! – можно и здесь организовать такой бизнес. Купим аппарат, научимся летать, а потом знай себе – обслуживай клиентов.

– Или клиенток.

– Конечно!

– Вообще-то идея неплохая...

Они призадумались.

– ..Первые же дирижабли появились только в девятнадцатом веке, – продолжал урок Федюня. – В 1852 году француз Жиффар сконструировал управляемый аэростат, который и принято считать первой ласточкой в истории дирижаблестроения. – При этом устанавливались на небесных исполинах самые примитивные двигатели – паровые, газовые, бензиновые, но все чрезвычайно маломощные. Бывало и так, что винты раскручивались руками и ногами.

– Это что, – типа, велика? – сипло поинтересовался Кротов Миша, мальчик, которого Мишей никто в школе не называл.

– Можно сказать, и так. Простейшая цепная передача и ворот с педалями, – учитель с энтузиазмом кивнул. – Конструкции были, конечно, крайне несовершенными – быстро теряли газ, не отличались маневренностью и плохо справлялись с ветром, но изобретатели продолжали соревноваться.

Уже в 1901 году инженер Сантос-Дюмон на одной из своих моделей поднялся в воздух и обогнул Эйфелеву башню. За это он получил денежный приз в сто тысяч франков.

– Ух ты! – восхитились ребята.

– А франк у нас сегодня сколько? – Антон покосился на Серегу.

– Франков вообще не стало, – на еврики перешли.

– Ну, если бы евриков сто тысяч, вышло бы не хило...

– А спустя всего двенадцать лет в Европе стали создаваться воздушные дивизионы, – дрожащим от волнения голосом возвестил Федюня. – Воюющие страны начали бомбить друг друга с помощью дирижаблей. Немцы бомбили Англию, англичане – Берлин...

– Я че-то не понял, – возмутился Кокер. – Почему одни иностранцы-то? А россияне чего дирижабли не строили? То же небось могли Берлин с Лондоном пофигачить.

– В нашей стране проект цельнометаллического дирижабля длиной в двести десять метров представил Константин Эдуардович Циолковский. К сожалению, тогдашнее правительство посчитало нецелесообразным выделить деньги на постройку.

– Вот уроды!

– Потихе, пожалуйста! – Федюня движением экстрасенса воздел руку.

– А че тихе-то! – забазлал Васена. – Вечно так! Как воевать и припахиваться, все наши кирзачи, а как открытия ка-

кие или еще что, так дуля с маком. Берлин-то – не Жираф ваш брал.

– Ну, во-первых, не Жираф, а Жиффар...

– Какая, блин, разница! На нас ездят, а мы терпим. Нефть вон направо-налево разливаем. Прямо пивнушка, блин!

– А тебе че, жалко? У нас, может, этого добра под завязку! – хмыкнул Кокер.

– Ослина, блин! Я про другое! – Васена молотнул себя по шее. – Хомут-то не надоело таскать? Все другим да другим!

– А ты не давай, – фыркнул Кокер. – Без тебя давалок хватает.

– Че ты сказал?

– Ты, с понтом, не слышал?

– Умней паровоза стал? Я тебе рельсы живо поправлю.

– Поправлял один заправляла! Потом на лекарства всю жизнь работал...

Федюня растерялся.

– Пожалуйста, тише! Ребята!..

Изящно проголосовав, с места поднялся Сэм.

– По сути народ прав, – хорошо поставленным голосом сообщил он. Обращался, как показалось Сергею, больше к окружающим, нежели к учителю. – Этим летом я был в Европе, так вот в Париже мы заехали в один музей – Дом Инвалидов называется. И вот такая деталь, Федор Тимофеевич: в экспозиции Второй Мировой войны выставлены нем-

цы, поляки, англичане, французы – словом, все, кроме наших русских солдатиков. Нехорошо получается.

– Да ваще запаadlo! – прорычал с задних рядов Шама. За минувшее лето он повзрослел больше других. Ломкий голосок Шама, наконец-то, сломался, прорезавшись в утробный бас. Занимающиеся своими делами ученики оживились. Кто играл в карты, подняли головы, болтавшие прекратили свои рассказы о летнем отдыхе.

– Зато у нас ракеты самые крутые! – патриотично брякнул Гера. – И этот еще в космос летал... Гагарин.

– Только знают ли его на западе? – елеинo улыбнулся Сэм. – Там больше в курсе про Луну с Армстронгом, про Марсоход и Ангар-18 с телами инопланетян.

– Дак мы же их стопудовo и сбили! – пробасил Шама. – А америкосы взяли – и обломки себе заныкали! В ангар, значит. А теперь тупят по-черному, не показывают никому.

– Их давно прижать надо! – заорал Кокер. – Тайсона в тюрюгу упекли. Ниггеров похлеще нашего трамбуют. А они вон как на ринге пашут!

– Да гвоздануть бомбой сотого размера, и все дела!

– Они тоже гвозданут.

– Бамбук кури! Пусть попробуют. Китай им сбоку навернет, и мы в лобешник добавим. Аляска-то наша была...

Довольный поднятым переполохом, Сэм преспокойно уселся на место, выложил перед собой руки, точно вытесанный скульптором Шемякиным царь Петр. Кто-то запустил

к потолку самолетик, и бумажный ястребок, описав крутую дугу, стукнул Федюню в колено. Народ заржал. Урок, точно отцепленный партизанами вагончик, с грохотом покатился под откос. Роль партизана в данном случае сыграл Сэм.

– Видал, как он их! – шепнул Антон. Он тоже смотрел на Сэма. Почти с восхищением.

– Не их, а нас, – поправил друга Сергей. Сколько он знал Сэма, тот вечно манипулировал людьми. Еще с тех давних пор, когда коллег первоклашек легко было купить за булочку с повидлом или за порцию пломбира. Теперь манипулирование шло более витиевато – за счет интонаций, за счет грамотно поставленной речи. Никто в классе так больше не разговаривал. А уж за умение плавно и обтекаемо выдавать более десяти фраз кряду – Сэма смело можно было выдвигать в сэнсеи. Он и цитатами сыпал, как древний сеятель пшеном. Когда впервые Сэм выдал что-то такое из какого-то Бонч-Бруевича, девки аж запищали. То есть именно в тот день Серега по-настоящему и уверовал в поговорку о том, что женщины любят ушами. Сэм это тоже знал, отчего словесная мутота его год от года набирала силу, превращаясь в сахарно-ядовитый сироп. А точнее – в клейстер, на который склеить можно было кого угодно – от тех же девок до будущего Сэмовского электората.

Пахнуло шипучим дымком, и где-то под партой Катьки с Люськой бабахнула петарда. Это, верно, Рафик постарался, большой любитель конопли и пороха. Девчонки взвизгнули

и принялись ругаться:

– Совсем сдурел!

– Вольтанутый!

– Молчать, метелки! Для вас же старался.

– Если у меня колготки сгорели, я тебе глаза выцарапаю.

– Чтобы не смотрел! – гоготнул Шама. – На то, что под ними. Хотя че там смотреть-то!

– Придурок!

– Лучше колготки проверь, ботаничка!

– И нам покажи.

– Шама! Голову убери, я ему плюну...

Это вопил Маратик – маленький, прыщавый, но юркий, как новорожденный опарыш. С Маратиком мало кто считался, и Шама отреагировал вполне адекватно..

– Только плюнь, башку отвинчу и в окно выброшу.

– Дурак, я же не в тебя.

– Ты кого, дятел, дураком назвал?

Шама, огромный и длиннорукий, развернулся на своем месте, локтем смел соседские учебники, рывком дотянулся до Маратика.

– Кого бьешь, фуфел! Я же за тебя...

Что-то отчески бормоча, Шама отвесил Маратику саечку. Челюсть парнишки звучно лязгнула.

– Ребята! Зачем же так! – Федюня растерянно взирал на бурлящий класс. – Я понимаю: трудно так сразу втягиваться после лета...

– А-а-а! – спасаясь от Шамы, Маратик выскочил из-за парты, обежав учителя, спрятался за ним. – Федтимофеич, скажите этому барану, чтобы он не дрался.

– Че ты ляпнул? А ну сюда, стручок! По-рыхлому, я сказал!

– Козинцев, Шаманов! Да что же это такое...

Сидя вполоборота, Серега смотрел на красавицу Анжелку и лениво слушал, как бурлит и пенится под сводами класса океан великого и могучего языка – вроде бы русского и вроде бы не совсем. На стенах висели портреты путешественников, ученых, писателей – короче, всех вперемешку. Великие смотрели на галдящих ребят и молча радовались тому, что жить в эту пору прекрасную им уже, верняк, не придется.

Привстав со стула, Верка лупила сидящего впереди Васяну стопкой учебников. На нее пялились, потому что при каждом замахе оголялся пуп с золотым колечком. Этим проколотым пупком Верка еще в прошлом году изумила сверстников, а теперь к колечку еще и пару булавок добавила. Короче, полная красота! Пользуясь моментом, Рафик что-то сыпал красавице под задницу – то ли кнопки, то ли какой-то краситель. Светка Полетаева аккуратно накручивала на палец свои разноцветные пряди и широко зевала. Сидящая рядом с ней Танька покачивала плечиком с японским тату, косилась в сторону буянов и интеллигентно хихикала. Только Анжелка, по мнению Сереги, оставалась на высоте. Она невозмутимо подрисовывала губы и глядела в «свет мой зеркаль-

це», точно в телевизор, демонстрирующий очередной сериал.

Сергеа повернул голову. Пейзаж слева мало чем отличался от пейзажа справа. Все та же тупая развлекуха. Как всегда. Скрутив лист трубкой, Вадим целил в Тараса Кареева, и Тарасик неловко заламывал худые руки, пытаясь прикрыть от жеваных пуль свой гениальный затылок. Главное же действие творилось, как и положено, на авансцене. Перед классной доской, точно на фоне кулис, Шама, никогда не слышавший про Отелло успешно справлялся с ролью ревнивца. Проще говоря, продолжал тузить и душить Маратика. Марат хрипел и ругался, а бедный Федюня, метался туда-сюда, силясь унять бурю. Ничего, конечно, у него не получалось. Как все интеллигенты в третьем поколении, он напрочь забыл о своих корнях, веруя в силу пряника и абсолютно не понимая прелести кнута. Серега его искренне жалел. Он-то о мире знал раз в сто или тысячу меньше учителя, однако не сомневался, что Федюня устаревший продукт своей эпохи – что-то вроде зуба мудрости. Конечно, говорил историк грамотно – почти так же, как Сэм, но разницу ощущали все. Один мог разговаривать разве что с забором, второй запросто разжигал миниреволюции, провоцировал дуэли и срамливал народы. Впрочем, ничего иного от школы Серега не ждал. Да и что страшного, если ученики малость подушат друг друга, немного порычат и походят на головах? В конце концов, звонок будет все также трескуч, потолки

не обвалятся, школа устоит и выдержит. Для чего еще ее строили, как не для ора в миллион децибел, варварских нашествий и рыцарских ристалищ?

Вернувшись взглядом к Анжелке, Серега мечтательно улыбнулся. Дирижабль, на который он мысленно ее усадил, уже трещал по швам и полыхал пламенем. Парашютов, конечно, не было, Анжелка плакала, и по бархатным ее щекам текла тушь. Обреченная на гибель красавица смотрелась в зеркальце и рыдала еще более безутешно. Последний из уцелевших пилотов (им, разумеется, был Серега) мужественно разгонял винт. Голыми кровоточащими руками. Винт со скрипом набирал обороты, Серега хрипел, дирижабль тащился едва-едва, еще и Анжелка мешала – конечно же снова пыталась обнимать, ища у него защиты. И потому надо было дотянуть – до речки, до стога сена – короче, до чего-нибудь спасительного. Серега знал, что дотянет. Главное, чтобы Анжелка держалась за него покрепче. А уж тогда... Тогда даже фиг с ней – с речкой, можно было и разбиваться. В лепешку и в блин – только чтобы обязательно вдвоем...

Глава 5

Если говорить о пестроте и пахучести, то дети, конечно же, цветы жизни. Потому что пахнут табаком, духами, лаком для волос, коноплей и тысячей разных несурразностей. Потому что ежедневно пачкаются и красят волосы, жуют жвачку, чеснок и конфеты. Наконец, просто потому что разные от природы. Однако цветочной тишины от детишек вы не дождетесь. Как говорится, где сядешь, там и слезешь. И тот, кто не глохнет сразу, постепенно привыкает. Организм изобретает свои естественные беруши, которые приучают к мысли, что весь этот гундеж с визгом и полуматом, с почти рэповским припевом «сам баран» – как раз и есть нормальный звуковой фон, милое сердцу зоопарковое безмолвие. И если школьные перемены созданы для того, чтобы клубить, то их школьная клумба традиций не нарушала, клубя и чадя всю – сигаретным дымом, разномастным говорком и анекдотами.

То есть три урока они честно отсидели от звонка до звонка, но к третьей перемене, самой длинной и потому особо приятной, начинало свербеть у всех поголовно. Ничего удивительного, что через черный ход народ потянулся на улицу. А точнее – на заветный пяточок у гаражей, расположенный в аккурат напротив глухой стены спортивного пристроя.

В незапамятные времена здесь красовалась спортплощад-

ка, но гаражи, точно стая пираний постепенно взяли ее в кольцо, а после сглодали до крохотной полянки. Именно на этом обглодыше, как у водопоя в жару, между учениками соблюдалось негласное перемирие. Недаром на изъеденной ржавыми оспинами стенке большого гаража кто-то намалявал надпись: «Куряги всех стран, соединяйтесь!». Вот и соединялись «куряги» – старшаки, средний возраст и совсем мелкие пацанята.

Кучковались, само собой, отдельными муравейниками. Старшаки располагались на лобном месте около ржавого столба с баскетбольным кольцом, «мидл классы», включая девчонок, топтались у гаражей, салажня пристраивалась где придется, порой прячась совсем уж в тесных межгаражных закутках. Сэм со своей свитой забредал за гаражи редко, но ради первого сентября также соизволил явиться. Стоял, конечно, чуть наособицу – в компании Митька и своих верных горилл – Макса и Алика. Насмешливо поглядывая на собравшихся, держал в зубах настоящую с золотым обрезом сигару – что характерно, не зажженную. Серега вообще никогда не видел его курящим, хотя покрасоваться с трубкой или дорогушими сигарами Сэм безусловно любил. Конечно, на имидж работал, козлик! И пиджачок английский чуть распахнул, чтобы все видели краешек кобуры и черную ребристую рукоять пистолета. Опять что-нибудь компактное и мощное – либо газовик, либо пневматика. Понятно, что народ глотал слюнки, – все знали: счастливым и особо при-

ближенным Сэм дает порой пострелять.

Неподалеку от Сэма расположилась крабовская шпана. Эти сидели на корточках, смолили коноплю и табачок попроще. Тоже по-своему форсили, округляя рты, выдувая ровные фиолетовые кольца. Однако трещали языками меньше прочих, цепко приглядываясь к окружающим, изредка обмениваясь скупыми замечаниями. Миша Крабов, коренастый и коротко стриженный, сидел в центре, остальные вокруг – все равно как семейка маслят возле своего пахана. В другом месте подобное соседство мало кому бы понравилось, но здесь соблюдались свои неписанные правила. На пятачке можно было запускать ракеты, испытывать пугачи и смолить косяки, но только не драться. Даже борзых малолеток из первых-вторых классов, забежавших стрельнуть курева, отсюда особо не гнали. Напротив отечески поучали, угощая сигаретками полегче, советуя не вытягивать табачок до фильтра. Впрочем, иной раз давали и пинкаря, памятуя о том, что детям до восьми никотин в общем-то вреден...

– Фитюли подорожали, – делился рыночными новостями Кокер. – Конкретный такой скачок! Вся надежда теперь на Рафика.

– А че Рафик-то?

– Он к родне летом мотался, коноплю привез целый рюкзак. Своим обещал скидочку.

– Чур, я первый! – забил очередь Маратик. – Где он, кстати?

– В туалете, небось, оттягивается. Кому делиться-то охота!

– Куркуль, блин!

– Зато Кентукки сегодня добрый. Каждая вторая доза – бесплатно! Типа, первое сентября.

– А чего ему не быть добрым, – у него прибыль стабильная. Уже на «Феррари» прикатил! Сам сегодня видел.

– Какая модель?

– Вроде шестьсот двенадцатая.

– Да ты гонишь! Знаешь, сколько такая модель тянет? За миллион бакинских!

– Ну, может, попроще что...

– Зачем проще-то? Купил и оттюнинговал под серебро. А чего? Ему Маринад каждый день бабло пачками таскает! И таких Маринадов у него, знаешь, сколько! Может, по сотне рыл в каждом районе.

– Скажешь тоже, – по сотне...

– Да какая, фиг, разница? Главное, цены у них конкретно подросли. Вспомните, сколько в прошлом году было, и сколько сейчас.

– Цены вообще ползут. На хлеб, на бензин. Шнурки вон ругаются, пенсионеров жалеют.

– Что ты хочешь, они везде ползут.

– Ты про пенсионеров? Ха!

– Я про все, дебил! Потому что, кризис. Мировой. Так что если Рафик коноплей не поделится, предлагаю его на бойкот

поставить.

– Кризис тут ни при чем. Это цыганский поселок подломили, потому и цены скакнули. – Цыпа, парнишка, у которого дяхан работал в ментуре, как всегда знал главные местные новости. – В августе пять бульдозеров подогнали, погавкали в матюгальник и поперли в атаку. Еще и бойцы из «Города без наркотиков» прикатили. Человек сорок – с цепями да колунами.

– И че там, и че? – тут же придвинулись к светочу знаний «куряги».

– Ничего. Снесли на фиг половину улицы и склад нашли. Коробки со шприцами, порошок, травку. Тут же все и спалили – в бочках из-под мазута.

– Почему в бочках-то?

– В них тяга хорошая. Наркота на раз сгорает.

– А хачики чего?

– Чего хачики? Кто надо, заранее смылся, а так стояли да галдели. Что они сделают-то? Сами виноваты – не делились с кем положено...

Краем уха Серега прислушивался к каналу «городских новостей», но особенно не грузился. В конце концов, он вены себе не колот и цыганский ширпотреб не скупал. Его команда – Гера, Антон и Тарасик – стояла чуть в стороне, беседуя о своем. У них и курил-то один Гера, другие просто болтали да шарили у себя в карманах, выуживая прошлогодние крошки. То есть, наверное, и ходить сюда особой нужды

не было, а все равно зачем-то приходили. Вроде как на презентацию. Людей посмотреть, себя показать, поделиться последними байками. Серега успел рассказать о том, как ездил в Крым, как ходили в дом Волошина и слушали тамошнюю хозяйку – этакую гейшу-гидшу критического возраста. Скука, в общем-то, но картинки на стенах ему понравились. И ведь краски-то были пустяковые – обычная акварель, а все равно здорово. Этот Волошин крепко насобачился их рисовать! Книг на стеллажах тоже громоздилось немерено – аж до самого потолка. Но больше всего Серегу поразило то, что по словам гейши-гидши, в царские времена, на море, вообще людей не было. То есть затерялась на берегу крохотная деревушка, и все. Никакой тебе толчеи, никакой грязи. Плюс дешевые персики, виноград, слива, прочая ботва. А еще песок высшего качества – практически весь из полудрагоценных камней: сердолика, агатов, хрусталя, бирюзы – все прямо под ногами, хоть заешь!

– А ты почему ничего не привез?

– Так это раньше было, теперь песок на бетон извели, а вместо него булыжников наворотили.

– Идиоты, блин!

– Ага, лежать, главное, неудобно – все ребра отдавишь. Поэтому все на матрасах надувных. А еще я в Лисью бухту гонял, там песок немного остался, но нудисты кругом, особо не поищешь.

– Чего, прямо голые?

– Ну да – типа, дикий пляж. Свобода, равенство, братство.

– И что, вот так просто глядеть на всех можно? – поразился Гера.

– А чего на них глядеть? – Серега спокойно пожал плечами. – Ты думаешь, там модели раздеваются? Фига! В основном такие, что сразу умереть хочется. Я нарочно глаза закрывал, чтоб не стошнило. А главное – песка из-за них не видно. Не кантовать же этих тюленей с места на место.

– Ну, если бы кто поприличней был, можно и покантовать...

– Да говорю же – не было никого. Сплошные тюлени! И загадили все кругом... Вот на Карадаге другое дело! И песок уцелел, и вообще красотища! Мы с отчимом пробежались по маршруту, пофоткались. Внизу-то реальный вавилон – кафе, рестораны, воньща. Все жрут да пьют сутками напролет, а наверху – чисто, светло, тишина. Видел, кстати, бухту, где Шаляпин с Брюсовым гуляли. А еще – бухту Баракты. Про нее даже Высоцкий пел.

– Ага, есть у него такая песня.

– Там вообще много знаменитостей отдыхало. Цветаева с Мандельштамом, Грин, Бальмонт, Толстой...

– Понятное дело! Я бы тоже в таком месте отдохнул, – поделился Антон.

– Там сейчас нельзя, – заповедник. Если егеря поймают, – сразу штраф. – Серега постарался припомнить, о чем разговаривал отчим с одним из егерей. – Я там тоже с главным

егерем побазарил, – интересные вещи от него узнал.

– Ну?

– Прикиньте, он рассказывал, что как только Карадаг стал заповедником, туда уборщиков нагнали. И чистили – аж несколько лет! Целыми баржами мусор после туристов вывозили. Даже скелеты, говорит, попадались.

– Скелеты?

– Ага, человеческие, собачьи. Там же скалы метров под триста-четыреста. Разбиться – раз плюнуть. И разбивались.

– Чего ж их оттуда никто не забирал?

– Смеешься? Ты попробуй залезь! Там такие пропасти. Про многих, наверное, и знать не знали. Пропал где-то чел, – и аллес...

– А я премию выиграл, – занозисто и невпопад встрял Тарасик. На него глянули с ехидцей. Тарасик был не совсем из их круга, но таким, как он, друзья вообще не полагаются, и приткнуться Тарасу Карееву было некуда. С одной стороны – псих, с другой – чистый ботаник. Опять же стихи втихую строчил, книги Блаватской читал, психолога Юнга какого-то мусолил... Короче, строил из себя умного. Ну, а таких строителей мало кто любит. Тем не менее, парнишкой Тарасик был незлобивым, и троица друзей его терпела.

– Выиграл, значит, обмыть полагается! – брякнул Гера. – Раньше медали с премиями всегда обмывали. Так что пиво с тебя, лауреат. Два флакона!

– Погоди, – перебил Серега. – Что за премия?

– Математическая олимпиада, третий заключительный тур. Вузы московские проводили, вот и я съездил. В поезде.

– Ездят по ушам, а в поездах катаются! – снова пробормотал Гера.

– Пусть дальше рассказывает, – Серега посмотрел на Тараса. – Ну?

– Дали второе место. Среди седьмых-восьмых классов.

– Во, дает! – Гера хмыкнул. – Нормальные люди летом на пляжах обгорают, в водоемах тонут, а он на олимпиаде парился.

– Большая премия-то? – поинтересовался практичный Антон.

– Ну... Денег нам вообще-то не дали.

– Лохотрон, что ли?

– Да нет, подарили компьютер с принтером.

– Ну, это еще ничего!

– Принтер-то какой? Лазерный или струйняк позорный? – все-таки поинтересовался Гера.

– Вообще-то струйный, – признался Тарасик.

– Обули, значит, – удовлетворенно констатировал Гера. – Струйняк копейки стоит. А через год задолбаешься в нем краску менять.

– Пока вроде работает.

– Вот именно – пока... Но ладно, хоть комп дали. Я со своим стопорнулся, – весь в вирусах, как в блохах.

– Это у тебя от паленых игрушек и жадности, – Антон по-

чему-то постучал себя по голове, видимо, намекая, что жадность проистекает отсюда.

– Кто жадный-то!

– И ленивый еще. Давно бы поставил спаморезку, анти-вирус обновил, и стал бы чистеньким да причесанным, как наша Анжелка.

– Ага, делать мне нечего – спаморезки ставить!

– Тогда не обижайся – будешь блохастым, как пес-барбоска.

– Да на фиг такой комп, если столько хлопот?

– А зачем людям машина, если бензин каждый день покупать? – парировал Антон.

– Откуда мне знать! Я велосипеды люблю.

– А я машины.

– Оно и видно. Задница в штаны не пролазит.

Серега прищурился. Антон с Герой были абсолютно разными, и это его откровенно расстраивало. Гера – тощий, как глист, лохматый, встопорщенный, Антон – гладкий, толстый, склонный к компромиссам. Гера тяготел к улице, к пиву и людишкам вроде крабовских бродяг, Антон предпочитал успешный бомонд, ручкался с Сэмом, заигрывал с Танькой, которая, все знали, была внебрачной дочкой Тюменского нефтяного магната. Они и росли по-разному: Гера явно отставал, сохраняя худосочность тинэйджера, Антон же ел всю полагающуюся ему овсяную кашку и потому рос не по дням, а по часам. Короче, пропасть их разделяла страшнейшая –

не просто ведь спорили – дрались временами! Тому же Сереге не раз и не два приходилось их разнимать. Вполне возможно, без него они вообще не сумели бы сойтись. Это он их соединил и склеил. Не очень прочно, но как уж получалось.

Мама не раз говорила, что они ревнуют Сергея, но это уже напоминало какой-то бред. Ревнуют как-никак женщин или наоборот женщины к мужчинам, а он-то здесь причем? И сам Серега делить их не собирался. Антон казался правильным, но скучным, с Герой – ядовитым хохмачом и вечным «курягой» было легко и весело. Собираясь побренчать на гитарах, с Антоном они обычно разучивали соляны из репертуара Гребенщикова или перепевоны «Квинов». С Герой лабали иной шансон, выдавая на блатных аккордах Виктора Цоя, Чиж, Высоцкого. И то, и другое было по-своему здорово, однако в единую бит-рок-группу, Серега знал, им никогда не собраться. На первой же репетиции поломают о спины гитары и микрофонными проводами друг друга передуют. А мама снова напомнит о том, как была права, рассуждая о Гере с Антоном, как о двух половинках, образующих вместе критическую массу. Типа, атомной бомбы. Сошлись, забродило – и рвануло. Мама вообще поражала Серегу своим неженским умом и точными прогнозами. И все равно... Это были его друзья – настоящие, без всяких там примесей. Случись что, Серега не сомневался: Гера кинется за ним, не раздумывая. Хоть в огонь, хоть в воду. И утонет за компанию, и сгорит. А вот Антоша... Тот, конечно, сперва почешет в за-

тылке и малость потопчется, но потом тоже сходит куда-нибудь и вернется с веревочкой и ведерком...

– Эт-та что такое! Опять курум! – физрук дядя Коля неожиданно возник у них за спинами. – А ну, марш на занятия! Звонка не слышали?

Откуда он так подкрался, было совершенно неясно. Обычно на крышах гаражей сидела тройка-другая пацанят, следящих за горизонтом. А вот сегодня прощелкали и проморгали.

Мелюзга брызнула врассыпную, «мидл эйдж» тоже засуетился. Старшаки, правда, ретироваться не спешили, спокойно дожигали табачок. Поглядывая на физрука, аккуратно тушили сигаретки о стены гаражей.

– Чего вы разоряетесь, дядь Коль...

– Я вам не дядя Коля, а Николай Степанович!

– Ну, подымили малеха, чего страшного? Начало ж учебного года! С первым сентября вас!

– И вас с первым... – физрук обернулся к Серегиной команде. – А вам особое приглашение требуется?

– А мы и не курили вовсе, – обиделся Антон.

– Стояли рядом, значит, уже дышали этой дрянью. Слышали, наверное, о пассивном курении? Оно, между прочим, даже пострашнее будет.

– Это еще почему?

– Потому что вопросы дурацкие задаете. Марш в классы!

– Так у нас вроде окно. Даже сразу два. Расписание-то

опять перетряхнули.

– Правильно, Вера Леонидовна заболела, но уроков никто не отменял. Решением директора вам сейчас поставлен урок экологии.

– Чего, чего?

– Субботник, лобачевские! – рявкнул учитель. – Уши мыть надо! Берем перчатки, грабли и идем убирать берег Исети. Так что бегом к завхозу.

– К завхозу-то зачем?

– Для тупых повторяю: за перчатками! – гаркнул Николай Степанович. – А девочкам еще и халаты выдадут. Чтоб пупы прикрыть и спины не морозить. А то взяли моду – штаны ниже нижнего надевают.

– Главное – чтоб не выше нижнего, – пошутил Гера.

– Похохми мне, балагур!

– Халаты, небось, страшные! – недовольно пискнула Элла Дудкина. Она тоже бегала на пятачок подымить, и теперь прятала чинарик в кулаке.

– Зато яичники не застудишь! – хохотнул кто-то из ребят. Физрук строго поднял указательный палец.

– Грубо, но справедливо, – сказал он. – Так что ноги в руки – и вперед!

– Попали, блин... – Гера сорвал с чахлого кустика желтеющий тополиный лист, умело положил на стиснутые кольцом пальцы, сверху припечатал ладонью – хлоп! Получилось звучно – почти как выстрел из стартовика. Отвернув-

шийся было Николай Степанович подскочил от неожиданности. Крабовская свита одобрительно гоготнула, даже каменноликий Сэм улыбнулся. Серега ощутил укол зависти. Так вот и зарабатывается уважение. Надо потом попросить Геру, чтобы научил такому же фокусу.

Глава 6

Выделенный школе берег поделили на секторы. Слева пиццала и мельтешила комариная братия – в смысле, малышня, справа клубилась саранча покрупнее. Там уже не маячили, скорее – перемещались и плавали. Да и фигурки рисовались уже сформировавшиеся, почти взрослые. Девоч, понятно, не парней. Старшаки – не дураки, чтобы землю драить. Девчонки, кстати, тоже себя не слишком утруждали – больше выгибались возле березок, кокетливо поднимали ручки-ножки, закатывали глазки, принимая томный многообещающий вид. Короче, всю устраивали фотосессию, щелкали друг дружку из сотовиков, копили кадры для будущих портфолио.

Троица друзей только ухмылялась, поглядывая в их сторону. Прямо шиза какая накатила на девочек, – все поголовно двинулись на этих портфолио. Что самое смешное – фотки свои по каким только сайтам не рассылали. Спрашивается – зачем? Принцев, что ли, приманивали? Или ребят с маниакальным синдромом? То есть маньяки, конечно, клонут, а вот принцев на таких сайтах днем с огнем не сыщешь, – знают поди, какое это палево, когда предлагается знакомиться «вслепую». То есть на фотке – блондиночка, глазки зеленые, фигурка перворазрядницы гимнастики, а встречаешь потом где-нибудь в темном переулке, где уже ни берез, ни

фотошопа, и копец! По-рыхлому заводи мопед и сваливай! Если успеешь, конечно...

В общем, слева визжала малышня, справа изводили мегапиксели будущие невесты, посередке маялись они – два параллельных класса, половина которых тоже, понятно, сбежала. Поэтому класс был как бы один. Мусора же с лихвой хватило бы на все три, а то и на четыре класса. Ничего удивительного, что многие проявляли недовольство.

– Прикинь, опять мы крайние! – разорался Кокер, играя с граблями, то и дело наступая на них и торопливо отворачивая голову. – Шама, Краб – все в отказе. Сэма тоже не видать, а нас припахивают, как последних трутней.

– Трутни как раз не работают, – фыркнул Антон.

– Я и говорю: пашем, как бобики! А я, что, конь?.. У, блин! – черенок угодил-таки в лоб Кокеру, и он обозленно, точно клюшкой, саданул граблями по пластиковой бутылке. Посудина улетела далеко в воду.

– Сейчас сам поплывешь за ней! – гаркнул физрук. – Я все вижу! Не загораем!

– Позагораешь тут – с таким-то тренером...

– И все слышу! Работаем, работаем, лодыри! Сами сорим, сами и убираем. Посмотрите, во что берег превратили. Такая река была славная, а теперь помойка помойкой.

– Мы, что ли, сорили! Я вообще летом в Сочи парился. – заорал Митек, паренек из Сэмовской свиты. Исчезновение вельможного хозяина Митек позорно прошляпил и был пой-

ман физруком, когда уже выбирался в окно туалета наружу.

– Вот и отработывай! Ты в Сочи чинарики разбрасывал, а Ваня Пупкин здесь за тебя химичил.

– Пусть Пупкин и убирает...

– Разговорчики, перцы! Кто будет бастовать, заработает неуд.

Народ примолк, зашебуршил метлами и граблями. Не то чтобы очень боялись неудов, но заиметь двояк в первый же день учебы представлялось обидным. Усерднее всех работал Тарасик. Он вообще уважал чистоту, – наверное, даже уши мыл по утрам. Но и этот чистюля, скребя по земле, косил глазом в сторону Анжелки. Королева класса умудрялась и с метлой выглядеть на пятерочку. После каждой отметенной в сторону бумажки, она непременно выпрямлялась, изламывала тело то в одну, то в другую сторону. Еще и картинно отставляла ножку – позировала, короче. Ей и портфолио был не нужен, хотя Серега доподлинно знал, что у того же Тарасика дома все стены заклеены Анжелкой. Да и прочие ребята украдкой ее фоткали – в фас, в профиль и как уж придется. Серега мог бы поспорить, что у каждого в альбоме имелось по три-четыре фотографии Анжелки. У него, в частности, их было не менее трех десятков...

– Живем, как в советские времена, – сплошные субботники. – Вполголоса ворчал Антон. – В Китае на мусоре хоть деньги делают, а мы все в костры да в костры.

– Как это – деньги?

– А так. Уже, считай, пара олигархов поднялась.

– Подумаешь! У нас этих олигархов – как грязи.

– Вот именно – как грязи. Наше-то ханурье ничего не делает, сидит себе на газонефтяных вентилях и кальян курит. А им еще за это полмира башляет. Клоповые, короче. А эти с нуля начинали. Один, прикинь, чуть ли не бомжом был, на свалках околачивался, обеды подбирал. А как просек, что на мусоре можно зарабатывать, сколотил бригаду таких же красавцев – и давай сортировать. Бумагу, цветмет, древесину – все, короче, порознь. Магазинчики открыл, дешевкой бэушной стал торговать. Короче, в три года стал миллионером.

– Миллионер – еще не олигарх, – резонно возразил Серега. – У нас квартиры по миллиону тянут, так мы что, тоже миллионеры?

– Ну, во-первых, рубли – это еще не доллары, а во-вторых, у них уже и миллиардеры свои появились. Вчера в «нете» читал: китайка Чжан Инь взяла кредит, купила свалку возле Лос-Анджелеса и начала гнать картон обратно в Китай.

– Упаковки, что ли?

– Ага. Их же везде выбрасывают, жгут, а она всю эту карусель обратно развернула. Купила у себя на родине фабрику по переработке бумаги, – ну, и пошел процесс. Чепуха вроде, а оказалось – золотая жила! На тухлой макулатуре миллиарды наварила!

– Значит, молодец, заслужила! – Николай Степанович,

на слух никогда не жаловавшийся, одобрительно кивнул. История ему явно понравилась. – Как там ее звали, говоришь?

– Чжан Инь.

– Надо бы запомнить... – физрук шагнул вперед, молодецкато прищелкнул на груди широченными подтяжками. – Главное тут, цуцки, не миллиарды, а то, что она земной шар поскребла да почистила. Я бы тем, кто технологии по очистке планеты внедряет, сразу выдавал медали героев. Если вы сподобитесь таким же образом карьеру делать, я первый за вас голосовать пойду.

– Куда голосовать-то? – фыркнул Гера.

– Да куда угодно, – взглядом Багратиона окинув фронт работ, физрук умудренно кивнул самому себе. В отличие от Федюни он отлично разбирался в кнутах и пряниках, а посему приведя к дисциплине восьмиклашек, решительно сменил тон:

– Я вот тоже могу рассказать поучительное. Например, о том, какая тут раньше красота была...

– Это когда? Во времена Демидовых, что ли?

– Зачем же... Я про свое детство толкую, – физрук указал на противоположный берег реки. – Вон там у нас и домик свой стоял. Из бревен, с сараюшкой, с огородом...

– Трехэтажный, небось? Домик-то?

– Трех... Что ты, балабон, понимаешь! В те времена и двух не полагалось. – Николай Степанович показал Кокеру указательный палец. – У всех было по одному-единственно-

му этажу. Понял, к чему я веду?

– А че вы мне палец-то показываете? Вон лучше Гере с Чехом покажите... Стоят, ни фига не работают.

– Романтики в вас, – физрук шумно вздохнул, – как мяса в нашей столовке.

Народ одобрительно заржал. Все знали, что школьная плита сгорела еще в прошлом году. С тех пор детей кормили исключительно молоком и булками. За сосисками, котлетами и прочими чебуреками народ мотался в соседнюю кафешку.

– Это ж такое время было! – ностальгически вздохнул Николай Степанович. – Понимать надо! Утром выйдешь к реке, а от берега тени торпедами – шуки, значит. И видно все до единого камушка на дне. Ни бутылок тебе, ни прочей пакости. Набирали воду прямо из речки и несли себе в коромыслах. И пили эту воду, и супы из нее варили.

– Из воды-то – суп? Круто!

– Ты поболтай мне Чохов, поболтай! Лучше граблями шевели пошустрей.

– Шевелят ушами, а граблями гребут.

– Получишь неуд, тогда и поговорим. Умник...

Физический труд – да еще на открытом воздухе, как оказалось, красит одних и разукрашивает других. В ходе ра-

бот выяснилось: румянец совершенно преобразил дурнушку Аллу Мокину, превратив девочку чуть ли не в красавицу. А вот ворчунья Элла Дудкина, уже второй сезон щеголявшая в жемчужно отсвечивающих брэкетах, перепачкалась, как крот. Расчудесная аллергия выявилась сразу у троих – у рыжей Вики, тонкоголосой Таньки и одноглазого Игорька. Носы у ребят красочно распухли, глаза по-вампирии покраснели, и всех троих Николай Степанович милостиво отпустил в школу. У прочей рабочей гвардии проблемы цвели и благоухали менее пышно: так у Верки Дружининой от укуса неведомого насекомого вздулся на губе прыщ, Антон, поспешивший полакомиться печеным картофелем, обжег о раскаленный уголек пальцы, у королевы Анжелки поплыла тушь. И разумеется, все без исключения перепачкались в золе. К слову сказать, чад от костра лиц тоже не красил.

Костер запалили дружки Сэма. Этот пижон все-таки соизволил вернуться со всей своей свитой. Вернулся, понятно, не с пустыми руками. Свита волокла пакет купленного в супермаркете картофана и упаковку кока-колы. Сам водитель извлек из кобуры пневматический пистолет – на этот раз «Вальтер-Комбат», из которого разрешил по очереди пострелять всем желающим. По тем же мусорным кучам. Подкупал, конечно, гад! – причем самым подлым образом, поскольку устоять было невозможно. Даже неподкупный Николай Степанович на вежливое приглашение отведать карто-

щечки «как в старые добрые времена», помявшись, ответил согласием. За что и был немедленно вознагражден. Отведя его в кусты, Сэм предложил учителю приятный бонус. Ребята не видели, что именно он показывал физруку, но слышали отдельные фразы:

– Саматов, ты сдурел?

– Только глоточек...

– Какой глоточек! У нас же урок!

– Это же настоящий шотландский... Из дубовых бочек...

Выдержка – семь лет...

– Вискачом угощает, скотина! – шепнул Гера, и в глазах его блеснул голодный огонек.

– Ну и что, – Серега прутиком пошевелил тлеющие головни. – Я тоже как-то пробовал. Полная мутотень. Хуже водки.

– А мне понравилось, – признался Гера.

Серега жалостливо вздохнул. Гера был потенциальным алкоголиком, и поделаться здесь было ничего нельзя. Одни люди пьют, другие нет, одни колются, другие даже не нюхают. Почему и кто так делит людей, было совершенно неясно. Тот же Антон, к примеру, к спиртному был абсолютно равнодушен. Почти так же, как и к Анжелке. Серега тоже не пил, хотя памятуя пример долгожителей кавказцев, вполне допускал, что красное вино здоровью особо не вредит. Все, вероятно, ориентировались на своих отцов. Антоновский папахан был таким же непьющим горе-абстинентом, в Серегиной семье водку не любили, а вино пили умеренно, Гера подоб-

ной доблестью похвастать не мог – его отец пил по-черному. Проще говоря – бухал. И это было еще не самое страшное, – страшное начиналось, когда злым и трезвым родитель бродил в поисках очередной работы. С прежней его, само собой, с треском выгоняли – за пьянство и прогулы. И старший брат у Геры тоже пил. Пусть пока не так сильно и затяжно, как батя, но тоже вполне по-взрослому – до дурного похмелья, а порой и до глюков. И умный, славный Гера – который все распрекрасно знал-понимал, тоже чувствовал, как его неукротимо тянет в чертов водоворот. Он барахтался, как мог, но течение было сильнее. Чтобы не пить, он покуривал травку, но травок безвредных тоже не бывает, и Сереге не первый раз приходило в голову, что втихаря от товарищей Гера пробует вещи и посерьезнее.

– Следующий! – Кокер, успевший натянуть на голову бандану, лихо накручивал на пальце пневматику. Насмотрелся за лето пиратских блокбастеров! А погулял денек со шпаной Дюши – и вовсе о себе возомнил!

– Ну что, есть желающие?

К нему неуверенно приблизился Тарасик, но отличника грубо отпихнули.

– Сначала дамы, перец! Але, дамы, желаем шмальнуть?

Приглашение, понятно, адресовалось Анжелке, но Анжелка, увлекшись картошкой, на приглашение не отреагировала. С черным клинышком на подбородке и почти чапаевскими угольными усами, она казалась сейчас Сереге во сто

крат красивее, чем в классе на уроках. Сердце Серегина предательски замирало, пропуская удары, а после пускалось в разудалой славянский пляс. В такие моменты он отчетливо понимал, что никогда не сядет на таблетки и не станет хавать ноздрями порошок с зеркала. Потому что никакой дозе не сравниться с его ощущениями. То есть разобраться по существу, Анжелка и была его ежедневной дозой. Стимулом, толкающим на самосовершенствование, на ходьбу в школу, на героическую дурь. Из-за Анжелки он дрался, из-за нее хватал двойки и пятаки, из-за нее готов был дружить хоть с самим Сэмом, а после окончания школы даже поступить на какой-нибудь тошный филфак или на чем там она соизволит остановить свой загадочный выбор.

Сергеа отряхнул руки, поднявшись, двинулся к Кокеру.

– Давай свой «Вальтер», ковбой.

– Куда грязными лапами! Копыта сначала помой!

– А если копытом в лоб?

– От тебя, что ли, ботаник?

На «ботаника» просто нужно было как-то ответить, и, ухватив правой рукой пневматику за ствол, Серега крутанул его по часовой стрелке, выворачивая из руки Кокера. Тоже, между прочим, спецназовский приемчик, – по телеку показывали. Главное, простой до одури! Кокер ойкнул, и свободным «копытом» Серега отпихнул его в сторону.

– Спокойно, cowboy! Не забывай, в переводе это всего-на-всего коровий мальчик. Пастух, короче.

– Это же не мой пистик, фуфел!

– Ща, еще добавлю. Как Клепе в рыло.

Напоминание сработало, Кокер тут же успокоился. Потирая пальцы, предупредил:

– Не испортить там чего-нибудь. Сэм башку отвинтит.

– Пусть резьбу сначала нарежет, – мутно ответил Серега и подивился экспромту. Вот бы с Анжелкой так в разговоре хохмить. А то мычит, заикается... Скосив в сторону костра взор, он отметил, что на него смотрят. Значит, и впрямь стоило порисоваться. Как говорится, в любом из нас живет артист и клоун. И если Родина скажет «надо!», на эстраду полезет каждый второй. Естественно, за каждым первым. Первые-то уже все там. Да и вторые давно толпятся в очереди. Безо всяких, кстати, команд.

Глава 7

Он расставил ноги пошире, развернул пистолет по горизонтали, как это сплошь и рядом показывают во всех последних фильмах. Даже в «Ментах» – уж на что подкованные ребята, а тоже стали косить под «Голливуд». А может, просто прикалывались. Потому как последнему ослу ясно, что Вильгельмом Теллем с таким вывертом по любому не станешь. В бочку с вискачом шотландским, может, и попадешь, а вот в монетку или там в муху на стене – очень даже сомнительно.

Сергея бабахнул в мусорную, сотворенную Тарасиком пирамиду и промазал. То есть куча была самой большой, как и положено добросовестному отличнику, но киношная техника подвела.

– Молеко! – дурным голосом пропел Кокер.

Не обращая на него внимания, Сергей прицелился по-человечески.

– Два выстрела осталось, – напомнил Кокер. – Там уже газа всего ничего...

– Не квакай под руку... – Сергей плавно спустил курок, и под шлепок выстрела верхушка Тарасиковой кучи брызнула лиственными ошметками.

– Ты смотри! Умеет нажимать!

Это уже ехидничал Митек. Он свое уже отстрелял и ни

разу ни во что не попал. Даже в Исеть – большую и необъятную, простирающуюся на сотни метров вправо и влево.

– Ща в тебя нажму, – беззлобно пообещал Серега. Остался последний шарик, последний патрон. Его надо было израсходовать с умом – чтобы оставить след в истории и чтобы не было потом мучительно больно за разное-несуразное. То есть сделать кое-кому больно как раз очень бы не помешало – есть ведь, елы-палы, управляемые снаряды! И шарик – вот бы славно! – взял да извернуться в воздухе, найдя себе мишень достойнее мусорной кучи. А что может быть достойнее, нежели задница Шамы? Или того же Сэма, к примеру? Не им одним пить народную кровушку! Дайте и другим порадоваться...

От таких крамольных мыслей палец самовольно ерзнул на курке, и «Вальтер» с готовностью бабахнул. Мимо мусорной кучи – зато прямо в выставленную на берег поллитровую серую от грязи бутылку. Отбитое горлышко чуть подпрыгнуло и осело, болельщики у костра азартно зареготали.

– Снайпер, блин! – завистливо протянул Кокер.

Хрустнули кусты, на берег, покачиваясь, вышел физрук Николай Степанович.

– Эт-та кто там стекла бьет! – гаркнул он. – Ты, Чохов? Вот, засранцы! А ну, собрать все до последнего осколка!

Серега со вздохом передал пневматику Кокеру, не споря, побрел к разбитой бутылке. Оправдываться и говорить, что попал случайно, было бы глупо. Лучше уж стеклышки со-

братъ, но остаться в снайперах.

— Ну, ты подумай, что за люди пошли! — продолжал разоряться учитель. — К вам ветеран сегодня на урок придет, о войне будет рассказывать, а вы...

— Че-то я не догнал, какой ветеран? — Васена поскреб в затылке. — У нас же это... Русский и литра по расписанию. А Верлеонидовна болеет.

— Я что, неясно объяснил? — рассвирепел физрук. — Вместо русского вы работаете здесь — берег убираете, а на литературу придут Маргарита Ивановна и настоящий боевой ветеран — участник Великой Отечественной войны.

— Из Чечни, что ли?

— Лет двадцать назад тебе за такое незнание головушку бы открутили!

— Да вы че, Никстепаныч! Двадцать лет назад меня вообще на свете не было!

— Великой Отечественной войны не знать! — словно не слыша, продолжил физрук. — Это уже что-то сверхнормальное... — взглядом раненного оленя он оглядел восьмиклашек. — Да вы радоваться должны, что в одно время живете с такими людьми. Он же такое видел, — вам в страшных снах не снилось. Он за мир боролся. Чтобы все кругом чисто было, чтобы травка, цветочки всякие... А вы, паскудники, стеклами сорите. А если девочка маленькая потом пробежит? Если ножкой босой наступит?

— Осень же, Николай Степанович. Какие ножки...

– Стекло, к вашему дурацкому сведению, миллионы лет может пролежать, и ни хрена ему не сделается! Миллионы! – физиономия физрука багровела прямо на глазах. Ворот рубахи учителя был расстегнут, и было видно, что свекольная краснота лезет и прет оттуда, прямо как жар из раскрытой печки. Обычно Николай Степанович держал себя в руках, в истерики не впадал, а тут явно завелся. Верняк, заработал вискач Сэма.

– Что останется после вас? Очередной грязевой потоп?!

– Так потепление же, Николай Степанович! При чем тут мы?

– Притом, что от вас зависит – затопит землю или не затопит. А вы... Вы же предаете ее! Планету нашу!

Кокер за его спиной красноречиво крутанул пальцем у виска.

– Кто вырастет из вас? – с надрывом продолжал физрук. – Может, вообще никто? Так и застрянете в отроках? Вы же последние крохи распродадите, разворуете!

– А первые кто разворовал?

– Поговорите у меня! – физрук крутанулся на месте. – Умные больно стали! С интернетом вашим. Здесь помойку развели, теперь в виртуал лезете? А что вы о нем знаете? Да ничегошеньки! Нашли еще одно место, где можно пакостить – и рады-радешеньки.

– Да мы же убираем, Николай Степанович, – пискнул Цыпа. – Чего вы!

– Полиэтилен... – грозно перебил его физрук. – Полиэтилен – и тот триста лет не гниет, не портится. Черепахи морские глотают его идохнут. Киты, к вашему сведению, – и те травятся. А на стекла, что вы тут бьете, сто раз кто-нибудь наступит. И ладно бы вы свои пятки потные портили, – а если какая-нибудь... – учитель на секунду споткнулся. – Девочка, к примеру?

– С ножкой босой, – дурашливо пропел Митек.

– Хаханьки строить? – физрук шагнул вперед, сжал кулаки. Таким его еще не видели.

– Да плюньте вы на них, Николай Степанович. – из кустов вышел Сэм – красивый, в отутюженном костюмчике, стройный. Ни дать, ни взять – дипломат новой формации. – Чего с дундуками толковать? Они тут тупят по черному, а вы заводитесь.

– Я же им по-человечески... Как людям...

– Правильно! Потому что вы настоящий мужик. Мужчина с большой буквы. А они козлики из детского сада. Что они знают-то? И стекла мы подберем, слово даю. Пойдемте, вмажем еще по одной. Чтобы за все настоящее и светлое...

– Твари! – физрук, покачиваясь, побрел, увлекаемый Сэмом. Точно баран на веревочке. – Всю жизнь на вас... Ишачим, штанишки меняем... А вы! Отроки во вселенной... Козлы вы, а не отроки...

Даже жующий картошку Антон приоткрыл рот. Все ошарашено молчали. Сэм же, панибратски обняв физрука

за плечи, успел оглянуться и ехидно подмигнуть.

– Дела-а... – шепотом протянул Васена. – Физрук-то наш в зюзю.

– Неужто с одной фляжки?

– Так тоже бывает, – со знанием дела подтвердил Гера. Кадык на его шее судорожно дрогнул.

Минут через пять Сэм вернулся. Развинченной походкой подошел к костру, и позади него тут же выросли «двое из ларца одинаковы с лица» – проще говоря, братья Рыковы – Макс и Алик. Оба рослые, мосластые, с туповатой сосредоточенностью на физиях – той самой, что выдает сторожевых псов, сопровождающих своего хозяина. Времена, когда Сэма сопровождал на «Бентли» личный охранник, давно миновали. Своей собственной охраной Сэм предпочитал обзаводиться среди одноклассников. Все знали, что Алик с Максом серьезно занимаются каратэ, оба имеют какие-то там пояса, ломают кулаками доски и вот-вот перейдут на кирпичи. Сэм братьев поощрял и всячески прикармливал, они отвечали ему цепной преданностью.

– Короче, так, отроки. Николаша в ауте, – только что отчалил домой.

– А доплывет?

– Не дрожи за него. Это старая гвардия – так что доковыляет. Если, конечно, вытрезвяк не перехватит. – Сэм барственно улыбнулся. – Я ему еще пузырек в дорогу дал – чтоб наверняка.

– Зачем?

– Затем, шимпаноиды, что сегодня первое сентября – и нужно в этот день оторваться по-человечески. Так что сгребаем вещички и валим на Волчихинское. Там нас ждут катера, и на острове Буяне устраиваем пикник. С шашлыками, бисквитами, чаем и пивом. Все уже приготовлено и ждет нас. Кто за?

Разом взметнулся лес рук. Машка, сидящая справа от Анжелки, даже взвизгнула и захлопала в ладоши.

– А как же ветеран? – робко поинтересовался Тарасик Кареев.

– Это ты про себя, что ли?

Народ загоготал. Кареев затравленно огляделся. На его обмотанной платком руке проступило пятнышко крови, и Тарас, в самом деле, напоминал ветерана войны. А все из-за дурацкого аккуратизма! Попытался, видите ли, придать расстрелянной мусорной куче форму египетской пирамиды, – вот и порезался стеклом. Дубина стоеросовая.

– Я про другое... – Кареев стеснительно прикрыл багровое пятно рукой. – Николай Степанович это... Сказал, что сразу после урока экологии...

– Сразу после урока экологии, – перебил его Сэм, – у нас должна быть литература, но литературы не будет, Вера Леонидовна все еще на больничном, это все слышали. Ну, а кто там ее собирается подменить, и кого на урок пригласили, этого мы знать не обязаны. Лично меня ни о каком ветеране

Маргоша не предупреждала.

– Она, может, сама не знала. Она же вместо Верочки...

– Ее проблемы.

– Но Николай Степанович...

– Николай Степанович, – Сэм улыбнулся Тарасу почти отечески, – уже забыл про все на свете. В том числе и про нас с вами. Читать надо, Тарасик, не книжки Лема, а личные дела школьного персонала. Твой любимый Николай Степанович, к твоему сведению, уже пару раз лечился в реабилитационном центре. Это стаж и весомый! Вот и соображай, Ломоносов.

– Класс! – оценил Кокер.

– Сэм – гений! – поддакнул Митек. – Значит, что? Катим на остров?

– И побыстрее! – Поторопил Сэм. – Тачки не мои, – арендованные. Ждать не будут.

– А стрелять на острове будем?

– Только не из пневматики. Там у меня три охотничьих ствола. Фирменные бельгийские помповики, не какой-нибудь эрзац. И патронов сотни три.

– Откуда? – ахнули девчонки.

– Подарок папоида. В общем, приедете – сами все увидите.

– Круто! Давай, мужбаны, не телимся...

Народ возбужденно засуетился. Оно и понятно – популять из настоящих помповиков мало кто не мечтал. Даже девчон-

ки. Опять же шашлыки, костерок, бисквиты... Серега тоже метнулся к портфелю, достав платок, лихорадочно принялся вытирать лицо. На полпути замер, разглядев глаза Геры. Тот продолжал сидеть на корточках, хмуро изучал перепачканные золой руки.

Серега споткнулся.

И даже присел на месте.

Потому что стыдно стало за собственную торопливость, за то, что поддался общему порыву, поскакал за табунком. Стадное, блин, животное! Враз пришло осознание того, что Гера просек ситуацию глубже, быстрее и вернее. Сэм ведь не праздничным пирогом их потчевал! – по сути втихую запрягал весь класс, оптом покупал и замазывал. И только честный Герка сыграл, как вратарь профи, отразив мяч, который все они тупо прощелкали. И он, Серега, тоже прощелкал. То есть почти прощелкал. Ясно же, как божий день, что, споив Николашку, Сэм вгонял их в гнусь, из которой потом не выкарабкаться. Однако народ схавал, заглотил и повелся. С транспарантами и лозунгами, славящими Сэмовскую халаву.

Серегины движения замедлились, он поставил портфель на землю, вернулся к Гере.

– Вам что, приглашение особое требуется? – Кокер налетел сзади, ухватив Геру и Серегу за шивороты, крепко потрянул.

– А мы лучше с ветераном покалякаем, – тихо сказал Ге-

ра. – Про войну, про Геринга с его «Люфтваффе».

– Чего? Какой, на фиг, Геринг! Да мы такую вечеринку замутим, – всех рыбачков ко дну пустим. Покруче всяких «Люфтваффе»! – Кокер шмыгнул носом. – А еще салют зафигачим. Из реальных стволов. Краб там катера для нас пает и скутер арендованный. Настоящий, прикидываете? Погоняем по озеру!

– Вот и вали к своему Крабу.

Кокер опешил.

– Вы че! Умнее всех, что ли? Чего заканили-то?

Сергей с Герой промолчали.

– Ну?! Че вы, как кони педальные!

– Это ты у нас полуконь-полуковбой, а мы люди.

– Во как? – Кокер явно растерялся. – Э-э, в натуре, хорэ прикалываться.

Он снова рванул Геру за ворот, – Геру он не боялся. В любом классе все весовые категории четко определены и прописаны. Так что пора было подключать главный калибр. Серега, приподнявшись, с силой толкнул Кокера в грудь.

– Сказано, вали! Вот и работай ходулями.

– Вы че, бараны! Буром против ледохода – так, что ли? Але, Сэм! – заблажил Кокер. – Тут два осла затупили. На остров не хотят.

Но блажить не следовало. Истинный вождь – он всегда зрячий. Потому что кормчий, и все такое. Конечно, Сэм все видел и слышал – и даже слова нужные успел заготовить.

На лице его не отразилось ни грамма растерянности, ни тени замешательства.

– Рискуете, парни. Вас ведь по-хорошему приглашают, – почти пропел он. С такой ласковой укоризной. Ни дать, ни взять – Арина Родионовна.

– А ты не пугай, – Серега поглядел на Сэма и нахально улыбнулся. То есть попытался улыбнуться по возможности развязнее, потому что так же холодно и хамски, как улыбался сейчас Сэм, у него бы вряд ли получилось. еще и коленка левая предательски задрожала. Сердце вроде тюкало, как положено, а коленка-зараза дрожала. Чтобы скрыть вибрацию, он даже браво отфутболил какой-то сучок. – Короче, так... Есть охота – езжайте, а мы остаемся.

– Так дела не делаются, Чех.

– А как они делаются?

– Да очень просто: либо все вместе, либо никак.

Вот так и рулил Сэм – загонял в угол, точно боксер на ринге, и лихо окучивал ультиматумами. Еще и на психику давил, гад! Стоял возле костровища и сверлил Серегу своими глазами буравчиками. Это он умел очень даже здорово. Только Серега взгляд выдержал и даже ни разу не сморгнул. Не зря тренировался по той же спецназовской методике. Считай, все лето пялился на себя в зеркало, на бедных собак смотрел, иных доводил до бешенства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.